

84Р6
М55

Алексей
Мехонцев

К историку

Э.К.

84Р6
М55

Алексей Мехонцев

К Истогнику

Рассказы о временах года

259328 117

259328

ОИ

г. Шадринск Центральная
городская библиотека
им. В. Маяковского
2002

Отдел краеведческой
информации

ул. Пролетарская, 41, тел.: 45-42-53

Мехонцев А. А.

К Источнику. Рассказы о временах года. – Шадринск: Издательство ПО «Исеть», 2002. – 115 с.

Автор сердечно благодарит:

Некозырева В. П. – директора «Шадринского Дома Печати», сотрудников типографии.

Брятвина А. М. – начальника отдела культуры, председателя Шадринского движения за культурное возрождение.

Осокина В. В. – главу администрации Шадринского района.

Подрезова В. А., Колотушкина В. А., Брюханова А. А., Семенова В. В., Куприна В. А. и др.

Огромное спасибо и низкий поклон всем тем, кто оказал материальную и моральную поддержку!

Философия мгновений

Подлинной литературой японцы считают поэзию, а проза для них только тогда может называться литературой, если в ней есть эта поэзия. Да, об этом, конечно же, можно много говорить, спорить или же, наоборот, — соглашаться. Однако перед тобой, дорогой читатель, настоящая поэзия в прозе. Только эта “поэзия” полна мужскойдержанности и философского молчания, она лишена какой-то открытой дидактики, а только лишь приоткрывает свои тайны, заставляя нас любить и восхищаться особым видением мира.

А. А. Мехонцев — художник по призванию и по специальности, но тем и приятнее посмотреть, как объединяются в этом человеке слова и краски, насколько умело они “расплескиваются” на бумаге.

На первый взгляд, Алексей Андреевич пишет, казалось бы, о незначительном, обыденном, но вдруг ловишь себя на мысли, что это “незначительное” обретает под его пером значительность и глубокое содержание — особый взгляд на жизнь.

Его рассказы-миниатюры заставляют нас “всмотреться”, “вслушаться” в дыхание природы, окружающей нас с детских лет, полюбоваться, как она хороша в любое время года.

По своему внутреннему звучанию эти миниатюры различны: одни солнечные, веселые, другие, хоть в них и описывается солнечный день, полны грусти, заставляют нас задуматься над собственной жизнью. К примеру, рассказ “Весеннее распятие” повествует о судьбе обыкновенной бабочки. Ее, пребывающую в зимней спячке, нечаянно занесли в комнату вместе с поленьями дров. Она проснулась и ожила, радостно полетев к свету, — к окну, стекло, которого было еще обледенелым. А потом мы видим ее примерзшей к стеклу, словно распятой... “С улицы в окно бил солнечный свет, пригревало, с крыши капало... Природа будто оплакивала умершую бабочку...”

Такое ровнос (без эмоций!) повествование сильнее заставляет ощутить трагизм существования на земле любого (!) живого существа...

Конечно, книга А. А. Мехонцева не является открытием в жанровом плане, но она, бесспорно, несет на себе огромный энергетический потенциал, заставляя каждого посмотреть на окружающую жизнь и собственную, как на мгновение, подаренное природой. Читая книгу А. А. Мехонцева, постоянно думаешь над философией этих мгновений.

В. Иванихин, профессор,
член Союза российских писателей.

К ИСТОЧНИКУ РАДОСТИ

Я стремлюсь к общению с Матерью-Природой, принадая к ее неиссякаемому Источнику, который благотворно поит меня, наполняя силой духовной и телесной.

Я стремлюсь к этому источнику радости, чтобы утолить жаждущую, маячущую и излазящую Душу свою, чтобы повысить в гармонии с великой Человечницей-Природой, чтобы настроить душу свою в чинок с её дыханием, с её мелодией жизни, и чтобы она вдохновляла меня на новые дела, и чтобы фантазия моя не ослабевала, и чтобы я вновь стал полок деревенских творческих стремлений.

В любом проявлении божественной красоты Природы таится не только внешняя красота и жизнь, но и что-то большее, что-то тайное и загадочное, но скрытое от глаз... Наверное, Душа Творца что ли?... Всевышнего...

И чтобы увидеть и услышать Душу Природы надо попытаться настроиться на созворесство, то есть самому тоже стать творцом. Прикоснувшись к неведомому, запредельному, запрепетав от разверзнувшейся губки и тайни видимого бытия, от одухотворённой и хрупкой Души Зазеркался...

В любом времени года я пытаюсь что-то подметить интересное и красивое, гротескное или радостное. Все эти моменты я или зарисовываю, или записываю. Так постепенно накапливаются мои впечатления, которые я предлагал и вновь предлагаю Вам, мой любезный Читатель. Данные рассказы о природе являются прямым продолжением моей первой книги — «От капели до капели».

Ваш Алексей Мехонцев.

Густеют синие снега
В вечерней мартовской дремоте,
И стынет пламенный закат,
Дрожит, немеет в позолоте.

Весна

В ожидании весны

*М*артовское солнце сверкает изо всех своих сил. Щедро рассыпает лучистое серебро по алеющим отлогим косогорам. Заставляет шуриться при взгляде на искрящийся снег или на поднявшуюся в светлую высь стаю голубей. Легкий морозец бодрит, оживляет зимнюю тишину звонким хрустом снега под ногой.

Торная, отполированная тракторными санями дорога пролегла вдоль плавного изгиба пруда, мимо молодых искривленных березок и охристых тальниковых зарослей.

На дороге, возле золотистых клочков соломы поскакивают серенькие птички – радостно – щемяще полыхают их оранжево-красные грудки. О, чудо! Да это же снегири! Птицы промышляют здесь среди обвалившейся шелухи. Снегири недоверчиво поглядывают на путника, не давая приблизиться и полюбоваться их дивной красотой. Протянем руку: «Не улетай!» Но поднимается одна птица, вторая, а за ними и вся стайка взлетает. Вновь садятся они на дорогу, но на недоступном расстоянии, маня и увлекая за собой.

Лента дороги тянется возле темных кустов боярышника, скользит мимо болотца с камышовой порослью и поднимается по солнечным буграм, где величественно стоят раскидистые серые березы, возле которых дорога плавно поворачивает, огибая их. Верхушки берез уже побурели, перемигиваются перламутрово-красноватым отливом на фоне бездонной синевы неба, тянутся к теплу, к свету.

Проведешь рукой по бугристой, шероховатой коре с глубокими рытвинами-морщинами и почувствуешь, что дерево живое, теплое, словно щершавые материнские ладони.

В этих местах, у родниковых источников, что питают пруды и речки, весной всегда зелень. Солнечные углы возле берез быстро обрастают зеленою шапкой.

Оглянешься, прощаясь с березами. Против света они кажутся серебристо-сизыми и чем дальше удаляешься от них, тем острее чувство – будто березы отрываются от сиренево-синих родных косогоров. Глянешь ночью на темное небо, усыпанное мигающими звездами, и почудится, что на месте

скопления звездной пыли Млечного Пути стоят грустные, заиндейцевшие февральские березы...

Хрупкая мелодия

*Д*енек выдался на диво – солнечный такой – насквозь светится весь. Душа встрепенется, откликнувшись, тревожно и невпопад застучит сердце... Из моего окна видны запертые, выкрашенные суриком въездные ворота. Прихожу на работу засветло и ухожу, когда солнце уже спряталось за горизонт. Только одни ворота и вижу...

Правда, в полдень, когда ворота уходят в тень, ярко загорается желто-окрашенная стена заводского здания с проржавевшей водосточной трубой. Звенит щемяще клочочек голубого неба, расчерченный прихотливой вязью молодых кленовых веточек, устремленных в бесконечную синь, к начинающему пргревать солицу. На крыше подновленного купеческого особняка начинает подтаивать желтовато-розовый пласт снега.

Истаивают в просторном небе воздушно-белые и прозрачные облака.

...Все увиденное: и ярко освещенная стена, и подтаявший снег, и легкие облака в изумрудной синеве – всколыхнуло глубинные, приглушенные струны души. И зародилась едва слышимая весенне-хрупкая мелодия...

Оттепель в феврале – первопуток весны. Заискрились радостные слезинки весенней влаги, томя надеждой...

С крыш закапало

*С*утра такая снежная круговерть налетела. Зимушка-зима осерчала – беснуется. К полудню все же поутихло чуть-чуть, но небо все еще оставалось темно-синим, тревожным, в тяжелых облаках.

Неожиданно между тучами пробился луч солнца – снег так осветило, что невозможно смотреть – глазам больно. С крыш закапало, запзванивало; на тротуарах появились темные проплешины асфальта; а на дорогах снег перемешан машинами в серую грязную кашу.

Воздух сырой, теплый – очень уж весной запахло. И душа будто моложе становится. Хочется смотреть на девушки с веснушками и здороваться со всеми, забыв про церемонии.

Вот и перезимовали. Пусть будут еще морозы метели да пасмурные дни — не беда — поманил весенний денек светлой радостью. Значит, теперь можно верить, что весна пришла.

Вон соседская собачка Мотька привела в наш двор своих друзей разных мастей и калибров. Тут и большущий лохматый пес с добродушными глазами, и маленький рыженький песик, который рычит и отважно бросается на большого лохмача, если тот начинает подкрадываться к Мотьке. Этот Рыжик все успевает: и отогнать от Мотьки своих соперников, и позаигрывать с ней, танцуя на задних лапах. Она никак не реагирует на его ухаживания, будто он для нее и не существует. На меня же Мотька смотрит как-то сконфуженно... Все-таки она страшно довольна, по-моему, что ей оказывают столько внимания. Она даже вроде улыбается — глаза светятся. А хвост легонько покачивается из стороны в сторону. Так и прогуливаются они все вместе, всей ватагой, встречая весну...

Хорош денек

*П*олдень. Небо звонко-синее, бездонное. Над головой будто купол стеклянный. Снег на солнечной стороне крыш уже стаял. Радостно блестят окна, словно вымытые.

За огородами, в глубоких сугробах стоят стога соломы, повернув к солнцу золотистые бока и протянув голубые тени к домам, заборам. Этакий веселый хоровод. Солнышко настойчиво пробует свою силу — снег стал серым, ноздреватым. Возле дорог он прожжен глубокими нишами.

Пригрелась под весенними лучами дворняжка: вытянула мордочку, положив ее на передние лапы, щурится.

Удивительно звонко шумят воробы. Гирлянды сосулек перемигиваются искрами падающих капель. Пахнет весной и сыростью.

Снимешь шапку и стоишь, чувствуя, как солнце начинает припекать голову. А легкий ветерок ласково перебирает волосы. Так и стоял бы, не двигаясь, и смотрел бы в эту безоб-

лачную высь, на хороводы синих теней, на близкий, четкий, словно на литографии, бересовый лес вперемежку с осинами.

Сосед увидел меня, улыбается:

— Здорово, живешь, сосед! Пригрело?! Хорош денек-то, а?
— тоже жмурился и вскидывает руку вверх.

— Как-никак, первый день весны! — присоединяюсь к его ликованию. Он постоял и пошел дальше. Шапка еле держится на одном ухе. Помолодел, повеселел человек!

Две девчонки спешат к лесу. Широко расставляя палки, шлепают лыжами о накатанную дорогу. Еле перебравшись через снежный вал, выходят на целину огородов, оставляя за собой плавные изгибы голубых ленточек-следов, и скрываются за кустами.

Хорошо в такой день оказаться на опушке бересового колка. Нетронутый и осевший снег искрится. Гаснут и вновь полыхают на солнце разноцветные снежинки. Как бы извиваясь перед этой красотой, с осторожностью прокладываешь лыжню между бледно-розовыми стволами березок. Прикоснешься к одной из них, и будто ток пробежит по руке — живая...

Стоишь в окружении притихших берез, ожидающих своего весеннего часа, и совсем не чувствуешь себя одиноким.

Акварели снегов

*В*тро свежее, прохладное, с легким северо-западным ветерком. Подморозило за ночь. Хрустят льдистые корочки на дороге. На востоке светлеет. Все небо расцвечено: от розовато-малиновых тонов, разлитых широко по горизонту, до красноватых и бледно-оранжевых с переходом в охристые. Светло-синие снега тожедержанно переливаются всеми цветами радуги. Краски неба на глазах меняются, ставят. Разливаются по снегу легкой прозрачной акварелью как по шероховатому листу бумаги. Почти касаясь высоченных тополей, завис желтоватый рожок убывающего месяца. Он будто раздумывает: «А не скатиться ли с крутого берега Исети, пока никто не видит?»

Но появляются идущие на работу люди, и он замирает на своем небесном месте.

Пролетели навстречу солнцу две усталые птицы. Встрепенулось сердце: «Не грачи ли это?»

С этой минуты даже уверенней зашагалось. Набрав полную грудь утреннего густого воздуха, каждый, должно быть, подумал: «Вот и грачи прилетели.» Как-то на душе легче стало – теперь и весна пойдет к нам быстрее...

Под весенним солнышком

*С*олнце, хоть и не яркое, в дымке лёгкой прозрачной облачности, но уже пригревает ласково. Сел я на опрокинутую у стены сарайя лодку и любуюсь на весну. Первый раз нынче за зиму выбрался на волю. Все хвори одолевали...

Сижу, греюсь на солнышке как старый-престарый старик. Хотя всего-то за пятьдесят перевалило. Но с виду как есть старичок в фуфайке, в валенках с чунями. Да с рыжей окладистой бородищей. На голове старая кроличья шапка-ушанка.

Кругом еще снег лежит. Наборел. Редкие проталины появляются, по которым расхаживают царственные птицы-чибисы. Мы их в детстве называли пигалками. «Чьи вы, чьи вы?», – как будто спрашивали они нас, когда мы с ребятами устраивали игры в шаровки на этих первых весенних проталинах. Теперь я бы ответил этим пигалкам, что я вот – Настасьин, Петька – Матренин, Толька – Марусин, Колька – Мотин и т. д. Все мы были, в основном, военная и послевоенная безотцовщина...

Вдоль реки пролетели три усталые птицы – это гуси прошли. Надо мною на проводе сидит две пары скворцов и завораживающе настынивают. Воробышки им в такт бодро почвиркивают. Дожили до тепла.

...Дали прозрачно-сизые, бор на левом берегу Исети истаивает бирюзой. Река пока что задумчива под бременем ледяного панциря.

Скоро и она взбунтуется, чтобы освободиться от зимних оков. Очистит свои воды, вздохнет свободно и потечёт вольная, сверкая и подмигивая серебристо-свинцовой волной.

С полей напахнет весенней прохладной сыростью, но за

сараем на солнышке тепло. Это для меня, видимо, осталось единственное, приносящее умиротворение, занятие – посидеть, полюбоваться весенними переменами. Да насладиться расплывчато-синеющими далями...

Солнце пробивается

*Ж*ад городом по утрам висит сизо-фиолетовая дымка, будто зацепилась за трубы котельных и прижимает, не дает подняться выходящим пепельно-синеватым дымам, заставляя их изгибаться и расстилаться над землей.

Солнце едва пробивается сквозь эту серую пелену, оно чуть-чуть виднеется размытой охристо-оранжевой акварельной кляксой, края которой мягко истаивают в окружающем мареве. Заря все ярче пламенеет, окрашивая весь небосвод, отчего и синеватые сугробы тоже поддумяниваются, поблескивают и подмигают льдистыми зеркальцами.

Утром воздух ядрен и вкусен. Легкий морозец румянит щеки. Шумно хрустит под ногами застывшая за ночь ледяная корочка.

Лучи солнца высветили белую полоску от пролетевшего реактивного самолета. Неодолимо прибывая и увеличиваясь, огромное огненно-лобое светило выбирается, освобождается из плена утренней хмари и возвещает миру о вечном торжестве света!

И вот свет уже резко обнажает сероватые прямоугольники высотных домов, пологие берега Исети и растянувшиеся вдоль реки заснеженные деревеньки. Солнце заглядывает в окна, будит, ослепляет и радует.

До половины дня вся округа еще погружена в легкую голубоватую дымку, но солнце все уверенней и настойчивей расплескивается на истосковавшуюся по теплу и свету землю. Запела, зазвенела капель. С южной стороны на дорогах снег подтаял, покернел. Прожигают в нем лучи солнца глубокиерытвины. Засверкали лужи, отражая бездонные, чисто вымытые небеса.

Стонет теплый золотистый мартовский день. Лишь вечерняя заря снова перекрашивает и небо, и снега в тревожные краски...

Но будет новый день. Будут и новые надежды.

Весеннее распятие

Утром проснулись, в комнате холодно. Сбегал за дровами, затопил печку. От плиты сразу начало растекаться тепло.

Вдруг сердце закололо; глянул на окно, — об стекло бьется бабочка, полыхают красновато-кирпичные крылышки. Лед на стекле сверху оттаил, а внизу еще толстым слоем леденел. Бабочка трепетно билась, крылья прилипали к сырому стеклу.

На улице светило солнце, разноцветно искрилось на свежевыпавшем снегу.

Кричу жене, что у нас на окне живая бабочка появилась — весну принесла. Но жена почему-то не очень удивилась: «С дровами затащил. Где-нибудь под берестой склонилась и перезимовала там, а теперь вот подумала, что весна пришла.»

Я взял прилипшую бабочку и положил под поздравительную открытку. «Пусть, — думаю, — подсохнет.»

Вот ведь, что тепло делает с нами — чуть потеплело, а мы и рады-радашеньки. Сразу оживаем, славим мир, кричим о возрождении, о скорой весне...

Слышу — кто-то в гости к нам пришел. Соседка: «Морозец сегодня славный?» Смотрит на окно, а там бабочка сидит. Подсохла видимо и вылетела опять на свет. «Откуда?» — спрашивает она. Жена отвечает: «Это мне муженек на 8 Марта живой подарочек сделал.»

«Она, наверное, умрет все-таки, — пожалела соседка, — раненько весну-то учудила.»

«Да-а, видимо,» — протянул я. На другой день я нашел бабочку без движения, примерзшей к стеклу, словно распятой...

С улицы в окно бил солнечный свет, пригревало, с крыши капало... Весна будто оплакивала умершую бабочку...

Красавица

Бывает, утрами все небо затянуто сизой дымкой. Так стоит до самого обеда, и лишь во второй половине дня проясняется. Туман расходится, и синие тени резко обознача-

ются вдоль дорог. Солнце заискрится в подтаявшей корочке льда, аж глазам больно смотреть — точно, кто шутит с тобой и наводит зеркальце прямо в глаза.

С крыш закапает; запосверкивают, зазвенят ксилофонно на все лады, заперемигиваются серебристые капели, заиграет свет в них разноцветной радугой.

Пора пришла снег с крыши убирать, пока не наболел. Залезешь на крышу и, разрубив его на доли, на пласти, начинаешь сталкивать их вниз. Огромные глыбы едут по скату крыши и с шумом ухают на землю. Остановишься отдохнуть — сверху далеко все видно. Стоишь на крыше, сдвинув шапку, подставляя прохладе и ласковым лучам разгоряченный лоб, крутишь головой, все никак не можешь поверить такому резкому переходу от зимней, серой глухой тишины к весеннему перезвону и ярко ослепительному солнцу.

Легкий ветерок тычется в твоё лицо. Громко кричат воробы. Белые облака плывут неторопливо. Так бы стоял и смотрел на этот еще не совсем привычный, такой чистый, желанный, полный новых надежд светлый день с его звенящей капелью и высоким небом.

А внизу, во дворе, стоит красавица, подняв глаза к небу. Смотрит на тебя, словно на Бога, приложив ко лбу руку лодочки, и загадочно улыбается. В красном платке, в синей куртке и в цветастом платье, она машет тебе рукой.

Неужели это пришла, наконец-то, сама красавица весна?
Здравствуй, весна-красна!

Зима беснуется

Утра налетел порывистый ветер, разорвал плотную серую пелену облаков и в промоинах их показалось бездонное небо. Как в детстве, отмытое, голубоватое стеклышко — через которое мир видится удивительно сказочным и загадочным, но холодным.

Выглянуло солнце, заискрилась весенняя капель. Но не долго порадовало теплом и светом. Вновь набежали облака, закрыли солнце, будто его и не было. Померкло все, стало серо-синеватым; повалил мокрый снег. Забушевала, занерв-

ничала зима. С ветром налетела она на стаю голубей, разметала их в поднебесье по сторонам, будто легкие перышки. Но со злости разогнала и своих помощников – понеслись тяжелые синие тучи еще быстрее, становясь, все легче и прозрачней.

Снег перестал, но ветер до вечера рвал развешанное во дворе белье. Солнце все чаще и чаще вырывалось из туч и светило остаток дня восторженно и победоносно. У крылечка появилась небольшая лужица, в которой мягко покачивалось глубокое небо со слепящим, искристым солнцем. Возле воды звонко переговаривались повеселевшие, взъерошенные воробышки. Они с интересом гляделись в это блестящее зеркальце и пробовали на вкус студеную весеннюю влагу.

К ночи стало прохладней, дорога покрылась хрустящей корочкой.

Народился молодой серп месяца, окруженный подмигивающими яркими звездами. Темно-синяя, еще зябкая, но уже не такая длинная ночь окутала землю. А людям снилась весна, полная света, тепла и цветущих садов.

И будет свет весны...

С утра все небо было затянуто облаками, но к полудню стали пробиваться настойчивые волны света, озаряя синь бугристых сугробов, белые шапки крыш.

Постепенно небо стало проясняться. Низкие облака уплыли, но выше виднелись легкие и прозрачные.

Свет лился на землю, мягко просеиваясь и растворяясь в прохладной дымке дня.

Все шире и шире становились глубокие омыты весеннего звонкого неба. Солнце все увереннее прорывалось серебристыми стрелами, высвечивая дома, заборы, сараи, деревья.

Утрами еще крепко подмораживает, но к полудню возле крыльца появляется зеркальце весенней влаги, отражая солнце и небо.

В народе поговаривают, что весна будет нынче ранняя. Все пытаются стать предсказателями, что если «на Евдокию» тепло будет, то и весна будет с крутой потайкой. Не иначе,

как весенний свет всех разбудил от зимней спячки, растревожил, взбудоражил, зарядил энергией. Вот и всполошились, что крутая потайка будет: «А снегу-то нынче вон, сколько навалило – ох, и поплынет, все водой взьмется; тем более, что земля с осени вон как наботела – мочило да мочило всю осень беспросветно. А потом морозы нагрянули, проморозили землю глубоко – вода-то и пойдет верхом, вся в реку сбежит. Разлив большой будет, затопит все релки: может, птицы и рыбы больше будет...»

Пока что после оттепели снова сильно подморозило, даже уши пощипывает. И снегу еще подвалило – целый день бурило. Крепко сопротивляется зима.

Но как только выглядят солнышко, люди повеселеют опять. Снова заговорят про раннюю весну, про крутую потайку. Мол, снегу-то, снегу-то вон, сколько опять подвалило, и если враз начнет таять, то быть большой водополице.

Утрами над Исетью до полудня висят плотные туманы, закрывая голубовато-серой пеленой, приисетские дали.

Искристые ручьи

Бот уже несколько дней природа в ожидании. Свет засиял в окутавшей землю дымчатой пелене. Воздух наполнен сыростью. Сугробы осели, посерели. Кое-где зачернела земля – лучи солнца прожгли снег до самой тверди. Снег давно не скрипит под ногами, а легко оседает, проваливается под тяжестью тела. Из-под резиновых сапог выползает снежная кашица. Температура плюсовая. Лужи за ночь так и не застывают.

В такие минуты трудно усидеть дома. Хочется выйти во двор, на улицу, где непоседливая ребятня пускает свои щечочки-кораблики. Возьмешь лопату и – ну помогать весенней воде, искать свою дорогу, освобождая из плена набрякшие лужи. Вода устремляется за лопатой, увлекая за собой снежную жижу. Крутятся на воде былинки. Несется под уклоном талая вода, искрясь на солнце. Машины чуть притормаживают перед разлившимися плесами. От колес расходятся в стороны волны, слизывают остатки снега, добавляя силы и моции ручьям.

Где-то вода и сама пробивает ледяной панцирь наезженной дороги, истачивая лед зигзагами, а где-то и человек поможет. Вот заговорил ручеек, оживляя округу своей неугомонной песенкой, своим неповторимым голосом. И слышится надежда на будущее, на великую победу весны над холодом и злом.

Портрет на фоне весны

*Р*ешил выбраться на волю. Сбежал от домашних повседневных дел. Уже десятый день в отпуске, а толком и весны не видел. Все недосуг... И не рисую, и не пишу рассказов... То простыл, то недомогаю.

Дни все больше стоят серые, без солнца. Оно едва-едва пробивается сквозь мутную весеннюю туманность. А вчера не мог утерпеть. День теплый был. Солнце пригревает. На солнечной стороне улицы, возле домов, уже полянки просохли. Ребятишки тут как тут. Уже игры с мячом устроили. До вечера в «вышибало» играют.

А ручей возле нашего дома все бежит и бежит, переливается солнечным зайчиком. У меня одно желание – на реку поглядеть. Пробраться по деревне можно только в резиновых сапогах. Иду, еле вытаскиваю их из жирной вязкой грязи. Даже вспотел в шапке и фуфайке. Вышел за деревню – а тут еще кругом снег лежит леденистый, крупинчатый, сырой. Ступишь и провалишься до самой земли, а внизу вода. Еле выбрался на полянку. Страшно идти по талому снегу – а вдруг да в какую ямину угодишь – и начерпаешь полные сапоги воды. Но обошлось. Полянка вся в голубых лывинах. Земля видно не протаяла. На Исеть лед вздулся, вспучился, стал горбатым. У берегов образовались пятна воды – забереги. У берегов уже опасно. Подтаял снег и лед.

Отбегали на работу через реку надолго – месяца на два, а то и на три. Пока с релок вода не уйдет. Только тогда можно будет через Исеть на пароме переезжать.

Кусты тальника ярко светятся под солнцем на фоне темно-бирюзового соснового бора. Дали растворяются в синеватой дымке. В лицо тычется свежий ветерок. Он сегодня ка-

кой-то прогретый, будто бархатный. Приятно обволакивает щеки, нос, губы, шею. Птиц пока никаких не видно. В крайнем огороде на тополе появилось гнездо. На самой макушке сороки свое жилище сделали. И продолжают летать за строительным материалом. Как «шилья калят» – туда-сюда снуют, торопятся. Почти на каждом тополе нынче в деревне по гнезду свито. Говорят, что когда птицы в деревне гнёзда вьют, то это к холодной весне. Нынче весна затягивается. Уже 10 апреля, а кругом снег лежит. А в лесах еще долго не растает.

Смотрю, в мою сторону недоверчиво идет телушечка молодая. Тоже с осторожностью перебирается через залежи снега, через ручьи на полянку. С любопытством смотрит своими блестящими черными с легкой поволокой глазами, будто пытается загипнотизировать меня. Сматривает не мигая и осторожно приближается. Я протягиваю руку и говорю ей: «Ну, молодушка, давай знакомиться». Она будто соглашается. Подходит ко мне. Я ласково почесываю у нее за ушами, трогаю ее молодые рожки. Она мотает головой, не желая, чтоб до нее дотрагивались посторонние. Так мы стоим и смотрим друг другу в глаза, пока ее не позвала хозяйка – молодая женщина из крайней избы. Телушка было уже повернулась к дому и увидела хозяина, грозившего ей. Тут она подпрыгнула на месте, мотнула несогласно головой и помчалась по голубым лужицам. Из-под копыт полетели серебристые брызги.

Отбежав к дальнему краю поляны, телочка, попробовав прошлогоднюю траву, подошла к лужице и стала пить студеную воду. Потом вытянув шею, стала принюхиваться к весеннему теплому ветерку, прилетевшему с дальних полей и из берёзовых перелесков. Насладившись пьянящими весенними запахами, искристыми лучами и тёплым солнышком, она снова начала взлягивать и носиться по поляне. Тут её и встретил хозяин. Она боком отбежала от него в направлении к дому, где у изгороди стояла хозяйка и звала её. Телушка вытянула шею: «Му-у-у» и пошла было к хозяйке, но обернувшись и увидев палку в руках хозяина снова взбръкнула, и, задрав хвост, промчалась мимо меня, обдав брызгами. Раза три за ворачивал ее хозяин домой, но она, поклонившись на воле, пока не потешила свое застоявшееся в пригоре склонное

тело, никак не шла домой. Тут хозяйка принесла кусочек хлеба. Телочка, почувствовав хлебный дух, хоть и с неохотой, но всё-таки пошла на зов хозяйки. Загнали-таки скотину снова в пригон. С этого момента она узнала вкус воли и хлеба...

Я ёщё раз покрутил головой под чистым небом и ярким ослепительным солнцем, посмотрел на него не мигая, до потемнения в глазах, а потом долго привыкал к растворившемуся в серебре миру, пока естественные краски восстановились снова.

Около одного дома стояли возле телеги три мужика.

— Леха, иди-ко сюда! — кричит мне один из них, — сосед Толик. Подхожу. Здороваюсь со всеми за руку. Они под хмельком. Вот они русские мужики. С утра уже опохмелившись. Заросшие щетиной — недельной, модной теперь. С неизвестным возрастом, с мутным тоскливо-угрюмым и уставшим от жизни взором.

— Леха, — говорит мне Толик, — нарисуй нас на фоне, — и крутит головой вокруг. То ли на фоне дома с палисадником и тополями, то ли на фоне жирной грязи с огромными лужами. То ли на фоне серого исчезающего возле прясла снега. Но не найдя себе приличного фона, Толик сказал очень просто: «Нарисуй нас, как есть — троих русских мужиков — на фоне весны. Понял, нет?

— Ладно, нарисую, — отвечаю. — Будет сделано! И став по стойке смирно, по-солдатски, прикладывают ладонь к шапке. Они улыбаются, обнажая жёлтые прокуренные остатки зубов, и похлопывают меня по плечу: «Службу знаешь. Так держать!» — что я и исполняю.

Вдохновенный певец

*В*есна все еще стоит холодная, пасмурная. То вдруг зайдет снег на целый день, добавляя воды и слякоти...

Невыразительные блеклые краски природы истомили душу. Но посмотришь на скворушку, что сидит на крыше своего домика трепетно дирижирует крыльями в такт пересвистам, и будто все оттаивает внутри. И день вроде станов-

ится светлее. Завораживает, как он вдохновенно и самозабвенно, безо всякой надежды на успех, на вознаграждение, поет свою песню, заражая верой в весну, в скорое тепло.

Водополица

*З*акончив рабочий день, выйдешь на улицу и остановишься, прищурив глаза, привыкая к новому ощущению, наслаждаясь густым воздухом и весенним солнышком. Глядя на девчонок со скакалками или играющих в классики на просохших тротуарах, на бегающих друг за другом ребят постарше, или на малышей, что просто размахивают руками, как крыльями, и невольно улыбнешься теплому вечеру. Внутри что-то отпустит — вздохнешь с облегчением.

Солнце расплавляет остатки снега. Кругом лужи, и солнечные блики отражаются в них многократно, ослепляя и радуя.

Берешь лопату и — во двор. Воды скопилось — без сапог не пройти.

Долбишь лед — давая дорогу воде.

По проезжей части шумит широкий ручей. Ребята суетятся вдоль него, спихивая в воду оставшийся по краям снег. А то сделают плотину из снега, перекрыв русло во всю ширину. Вода моментально скапливается, лужа увеличивается в размерах прямо на глазах. Ручей начинает пробивать себе дорогу в обход или, поднатужившись, сметает раскисшую преграду. Ребяташки того и надо? Бросив щепку или палочку, они бегут с ней наперегонки, еле поспевают, разбрзгивая по сторонам серебристо-солнечную воду.

Всплывают в памяти послевоенные весны и сверстники в одеждах не по размеру — чаще в материнских фуфайках и сапогах. С ними прошло безотцовское, безнадзорное и вольное детство. Вон чей-то почти настоящий корабль с парусами. Ребята сбежались, затаили дыхание — сейчас он закачается на сверкающих волнах и отправится в дальнее плавание...

Ручей шумит, бурлит, поет свою песню днем и ночью. Сбегает с этой горы каждый год. Сколько лет этой горе, столько и ручью.

Новое поколение выросло – шумное, бойкое. Мальчишки в ярких курточках пускают кораблики... настоящие, магазинные, пластмассовые. А весна остается у нас у всех общей – шумной и солнечной. Разве дома усидишь? Душа просится на волю, на простор – к солнцу, ветру, к проснувшейся природе, к движению.

Предчувствие

*В*зял три пластмассовые полуторалитровые бутылки и пошел за минералкой. У нас рядом с деревней скважина пробурена. Течёт минеральная целебная влага.

Весна пришла! До вечера светило солнце. К вечеру по деревне синё стало от дыма. Все мусор убирают и сжигают. Набрал я минеральной водицы.

Пошёл обратно. Иесть разлилась по рёлкам, сверкает золотом солнца, как рыбья чешуя.

...Но на душе что-то давит. Кто-то вцепился когтями... И не отпускает... Не дает раскрыться ей...

Бугры уже просохли. Так и хочется присесть на один из них. Вода дошла до крайних огородов. Рядом лежат лодки. Тишина. Птиц что-то не видно. Хотя, и скворцы, и грачи давно прилетели.

То ли еще холодно будет...

Все чего-то ждут...

Затяжная весна

*К*ак обрадовала нас весна? После нескольких теплых дней весь снег растопило. Шумные ручьи сбежали в реку. Люди повеселели, настроились на добрые перемены.

А утром проснулись – на улице белым-бело. Вот так арель? То дождь, то снег, то заморозки. Ночью лужи и оттаявшая земля так порой застывают, что топнешь и – не провалишься.

Стоят холодные ветреные дни. 18 апреля по народному календарю называют Федулом. “Федул! Что губы надул?” – говорили наши предки.

В такую погоду и скворцы прячутся. Прилетят два-три, посидят на тополе и снова исчезают. Зато в солнечный день так и вьются возле скворешен: то к одной подлетят, то к другой. Сядет парочка на козырек скворечника, а воробы тут же к ним сверху пристроятся. Сидят на ветке и громко кричат: «Тут мы живем, тут мы живем». А скворчиха ноль внимания на них. Внутрь заберется, все обследует. Вылезет, устроится на приступочке и все беспокойно крутит головой. Её партнер в это время песню начнет сочинять. Затрепещет крыльишками, увлечется своей мелодией. Глянь, а скворчихи уже нет нигде. Он оборвет свою песню, едва начав. Посмотрит по сторонам и вспорхнет на поиски подруги. Но чаще скворушка сидит один. Песню поет грустную. Едва удерживается от сильного ветра. Посидит, посидит, опять улетит куда-то и долго не появляется.

Коль скворцы неохотно выбирают себе жилье и не слышать их самозабвенных песен, то быть затяжной весне. Давняя примета...

Голубые ниточки

*М*ягкий ветер и ласковое солнышко слизали остатки снега. Обнажилась земля, покрытая бордовым конотопом. Покачивается на ветру линялая полынь. Разотрешь ее веточку, и нахлынет вдруг знойное лето, обдавая терпким горьковатым запахом. На улицах появляются просохшие тропинки. Вечерами дымит в огородах прошлогодня ботва, обволакивая округу, синим дымком. Этот запах будит воспоминания детства, далекого, послевоенного, с горячими рассыпчатыми печenkами у костра.

Уже не первую неделю шумит возле дома неукротимый ручей, но не видно возле него вихрастых ребят. Снега давным-давно нет, а ручей все не унимается. Журчит, напевает свою незатейливую песенку о весне. Где-то берет он свою силу?

Выхожу за деревню. Вдоль дороги тянутся бесконечные плесы, соединенные золотисто-искристыми змейками ручьев. Возле них, на лужайке, чинно-важно расхаживают грачи.

Озабочены: ищут старые зерна или кой-какой стройматериал для новой квартиры или для подновления старой.

Солнце припекает. Снял фуражку, остановился. Может, это душа поет и радуется весенним лохматым облакам, плывущим по голубому океану? Неужели на самом деле песня оттуда слышится? Никак не могу догадаться, откуда льется этот заражающий жаждой жизни перезвон? Постепенно до сознания доходит, что это все-таки птичка. Только вот где она эта загадочная певунья? Покрутил головой – кажется все небо звучит. Невидимый глазу жаворонок торжествующим гимном разливался, славя весну и землю.

Так под эту мелодию я и добрался до небольшого ложка, поросшего тальником, где прохладно синел набухший влагой снег. Справа, через пашню акварельно-размыто истаивал бересковый колочек.

В логу из-под снега выбивалась живая жилка, голубенькая ниточка-ручеек. Он едва слышно позванивал мягким колокольчиком.

Перекатываясь, а где-то и по-пластунски добираюсь до распустившихся верб. Трогаю их теплые, пушистые, серо-синеватые тельца. Будто птенцы неведомых птичек.

И снова – вверх по ручью, к бересковым лесам, где среди желтоватых полянок с прошлогодней поблекшей листвой лежат остатки крупинчатого, сырого, серебристого снега. Набухают там первые крохотные ручейки, здесь-то они и берут свою силушку, столь буйную в половодье.

Тревожно и холодно

Захотелось нестерпимо посмотреть, как там нынче речка разлилась. Вдохнуть свежего ветра. Вышел за деревню – стоит широкая весенняя вода. Серебристая. Но ветер сырой, промозглый. Постоял на бугре несколько минут, озяб. Сквозит. Чайки неторопливо летают над вешними водами. Серые облака низко нависают. Лохматые головы небесных великанов разглядывают нас из поднебесья. Хмурятся... Сердятся на нас грешных. . . Напускают холод и ураганные ветры. Нерадостная пока что весна идет. Тоскливая. Холодная и тревожная...

Но не покидает надежда, что скоро все-таки наступят и теплые, и солнечные деньки...

И все зацветет...

И придет день...

Ж и всякая тварь насекомая проснулась, учув тепло весеннее. Появились мухи. Захлопали от радости крыльшками красно-коричневые бабочки. Ожили пауки. Про птиц и разговору нет – давно здесь.

И ручей возле дома шумит аж вторую неделю. Не иссякая, бежит мутная вода во всю ширину дороги. Уже и кораблики успели уплыть далеко-далеко. Ребятишек не видно у ручья – наигрались.

Снега почти не осталось – весь растопило жаркое весенне солнце. Кое-где земля начала подсыхать.

А как человек? ... Я все еще хожу какой-то квелый: то сердце от жары начинает покалывать, то воздуху не хватает. Как-то слишком быстро все произошло. То держались холода да выюги-бураны, а тут враз весна-красна приложилась.

Собираюсь посмотреть, что на речке творится. Из переулка далеко видно, что вода поднялась и залила всю поскотину. Солнце ослепляет, покачиваясь на тихой волне. На реке лед подняло, от берегов отломило. Громоздятся торосы измыленного льда. Вот-вот стронутся и поплынут.

Где-то скрипнуло, громыхнуло, забулькало. Глянул – лед зашевелился. Передние льдины тихонько продвинулись. За ними другие пошли. Дальше больше: все всколыхнулись, пришли в движение, зашумели, заскрипели; полезли друг на друга. Огрызаются, ссорятся, давят друг друга – ну чисто люди. Вот и осколки посыпались – только хрупкоток стоит. Изъело их водой, ломкие стали, слабые, не выдерживают натиска.

Пошумели, «поаркали» друг на дружку – на том дело и кончилось. Поналипали на монолитную середину – да без толку! Лежит крепко – не сдвинешь. Не пришло, видать, времечко.

Дали лесные светятся прозрачной дымкой. Возле дороги встают видением старые тополя с домишками возле них.

Дни стоят лучезарные.

Бегут, шумят весенние ручьи, пробивая себе дорогу в набрякшем снегу. Стекают по логам, сливаясь и разливаясь в большие и малые плесы на равнинах, устремляясь к реке.

На первый взгляд кажется, что вымерло все за долгую зиму. Не видно никакой живности. Повернул голову... Скользнула тень по земле – пролетела сорока в сторону тальниковых зарослей. Чуть выше – парочка пигалок (чибисов) устало облетает широкие плесы. Тут и трясогузка приветливо помахивает хвостом. А вон поднимается стайка уток, отдыхающих на перелете – пара, вторая, третья, четвертая... От птиц небо становится конопатым. Мальчуган лет десяти спокойно заявляет: «Вот бы сейчас из автомата!» И, наведя воображаемым оружием на стаю кружящихся уток, затрясся: «Ту-ду-ду... ту-ду-ду».

В далеком порозовевшем у горизонта небе истаивал едва видимый белый шлейф от реактивного самолета.

Возле летних загонов пока пусто. Серо-грязные пласти снега подпирают изгороди, словно ленивые боровы развалились и спят. Солнце изо всех сил старается слизать остатки снега, ласкает сырую землю, серебрит ручейки.

Весенняя влага похожа на живую воду из сказки.

...Бреду по прозрачному ручью или по лывине, еле перебираюсь через дорогу по жирной, липкой грязи, выхожу на просохшую лужайку.

Новая весна пришла, а душа почему-то не может обрадоваться, встрепенуться. Видно, сильна инерция зимы! Пока человеческая душа оживет и зазеленеет, как та молодая трава на солнечных пригорках!

...Текут по зимним трещинам малые и большие ручейки, наполняя их живой водой. Залечивают раны матери-земли. Греет землю весенне щедрое солнце.

А все-таки весна!

Иду по дороге возле тополиной рощицы. А ветер такой силы, что чуть с ног меня не сбивает. Да ещё со снегом. Так и сечёт по лицу. Я отворачиваюсь. Смотрю на небо. Буйно-лохматые облака серо-тяжёлой массой наваливаются валами. Сверкнет кое-где глубокое весенне небо. Защемит в гру-

ди от чистоты и звонкости красок среди серых туч.

Всё-таки весна!

Высоченные, кряжистые, охристо-зеленоватые тополя и белые стволы берез горят на солнце вперемежку с белыми памятниками, густо наставленными на местном деревенском кладбище. Но весенняя пробивающаяся радость жизни старается приглушить невеселые мысли, растворить бренность существования на этой грешной земле...

Растекаются по просторам акварельно-ультрамариновые пашни, вперемежку с перламутровыми берёзовыми перелесками. Легче вздохнется от этой шири, весенний воздух ворвётся в лёгкие, опьянит дальними далями и свободой, затуманит взор то ли от ставшего на ресницах снега, то ли от нахлынувшего чувства, что годы летят безвозвратно...

И встрепенется сердце, когда увидишь и услышишь возвращающихся в родные края журавлей, радостно, беспокойно курлычащих в поднебесье.

Сиреневые дали

Как хочется весны! Живой, активной, красочной. Но пока она все больше пасмурная и серая.

Ходил я, ходил, никак не мог выбрать мотив для живописной работы. Присев на просохший бугорок с прошлогодней белесоватой травой, теребя зубами сухую былинку.

Скользнул взгляд по неохватной шире исетских релок, залипанных весенным половодьем от самого бора до крутых бугров на правом берегу. Охристые кусты тальниковых зарослей наполовину затоплены водой. Верхушки их чуть светятся в лучах вечернего неяркого солнца, выделяясь на фоне сизо-темного соснового бора. Солнце медленно скатывается к горизонту, опускаясь в призрачно-малиновое марево.

Тяжело поднявшись и надев ремень этюдника на плечо, я направился в сторону дома. Не торопясь, зашагал с бугра на бугор; спускаясь да поднимаясь, да оглядываясь назад, следя за снижающимся затухающим светилом. И тут – меня словно кто-то остановил. Я быстренько раскрыл этюдник и стал лихорадочно нашлепывать краски на холст.

Солнце садилось все ниже. Небо плавилось золотом. На тепло-охристую землю спускались прозрачные сиреневые сумерки, окрашивая дальнюю деревеньку с высокими тополями в ностальгическую гамму, в которой меркли ультрамариново-размытые пашни и бело-бирюзовые колки. В эту даль по склонам бежала поросшая конотопом дорога. Она приглашала путника в эту сиреневую глубину, манила, затягивала и страстно звала в этот, растворяющийся в сумерках, весенний вечер. Дорога умоляла, просила приехать в заветные с детства места – к родным избам, к пахучим кряжистым тополям, к душистому до головокружения кусту черемухи или сирени...

Два праздника

*П*ороплюсь за водой в колодец поутренке, пока не растаяла грязь на дороге. Ночью все еще подмораживает, а днем бывает до плюс двенадцати градусов. Грязюка будет непролазная. А за ночь так закоробанит, что по кочкам тоже еле везешь флягу на тележке. По бокам дороги снегу еще толсто лежит.

Ни грачей, ни скворцов что-то еще не видно. Где они? Сороки выют гнезда. Да все больше возле жилья – на яблонях, в тальнике – в ложках, или на тополях. Неужели опять весна будет холодная да затяжная? Сходил за вербами. Поставил в вазочку с водой. Первые весенние «цветы» сразу оживили комнату. Настроили на праздничный лад. Будто серебристые пушистые птенчики сидят на веточках.

На подоконнике у нас тоже праздник. Зацвел комнатный цветок. И сразу две дудки вышло, по шесть бутонов в каждой. На одной уже два цветка раскрылись. Такая красота, что дышать на них боязно. Ярко-красные лилии – саранки. На второй только-только начинают проклевываться, набухают. Порадуют нас к Благовещению. Да сегодня еще Вербное воскресенье. Два праздника совпало в один день.

Такое бывает один раз в десять лет.

«На Алексея теплого»

*В*от и пришла весна с искристыми ручьями. Затаяло сильно. Появились большие лывины.

Бреду с работы, еле ноги переставляю. Устал. И разморило от необычно резкого потепления. Во всю дорогу целое озерко разлилось. По ту и другую сторону этого плеса разится ватага школьников-первышат. С сумками за спиной – все еще идут из школы домой. Задержались, видимо, у воды. Да разыгрались. Бросают в воду комья снега, только брызги летят.

Пришло тепло. Теперь ребят домой силой не загонишь. Кто корабли пускает, а кто уже на велосипеде по лужам катается. Вон паренек резиновый мяч опустил в ручей. Плынет синий шар, мягко покачиваясь в отраженном небесном просторе. Бегут за ним ребятишки, чумазые, руки в цыпках от холодной воды, шмыгают носами. Разлетается снежная каша из-под их резиновых сапог, серебрятся ручьи.

Солнце многократно повторяется в каждой лывинке, осеняет и радует, заставляет улыбаться весне, теплу и свету.

На воле

*С*обрав рисовальные принадлежности, отправляюсь в сторону Исети, посмотреть широкий весенний разлив. Зову с собой Динку – соседскую собачонку. Она часто со мной прогуливалась раньше, но в последнее время ее что-то не видно было.

К вечеру солнце садится бордово-красное, тревожное, прячется в синей хмари. По всем приметам предвещает непогоду или ветры. Переходя с бугра на бугор, смотрю по сторонам – высматриваю мотив для работы.

Динка увидела бурлящий ручей, вытекающий из распадка оврага. Забежала в воду, легла на дно, катается, охлаждает себя и отяжелевшие от молока сосцы. У ней, видимо, недавно щенята появились вот она, и сидела все дома, никуда от них не отлучалась. Теперь же щенки подросли, и она решилась прогуляться со мной. Встанет из воды, походит по ручью, резво выскочит на берег и давай отряхиваться, только брызги во все стороны летят. Отряхнется и ну бегать, носиться по рельке, как угорелая. Летит, прижимаясь к самой земле, развивается от прилива сил и бодрости, от ощущения свободы и необузданной воли...

Вдруг остановится, начнет осматриваться, крутить головой. Я тоже остановлюсь, прислушаюсь. Да это же журавли курлычат, домой возвращаются? Летят высоко...

Динка уже бежит к Исеть, завидев прохаживающихся по берегу чибисов и часек. А то вспугнет табунок уток, качающихся на волне недалеко от берега. Ринется за ними и, заскочив в воду, остановится, следит за их полетом. Пройдя несколько шагов по воде вдоль берега, выбежит на сухое место и затрусила по релке, перепрыгивая мелкие ручейки и ливинки. Ну, никак на месте не сидит! Наслаждается свободой, ищет чего-то, принюхивается к каждому свежему бугорочку черной земли, вырытой кротом.

Наконец, я выбираю место и начинаю работать – пишу весенний тревожный вечер с сизыми далями, где высятся великаны – тополя и едва виднеются крыши домов. Пишу час, другой. Ничего не замечаю.

Динка, то побежит в направлении к дому, то опять вернется ко мне. Посмотрит жалобно – умоляющими желтыми глазами, повиляет хвостом, словно спрашивает разрешения уйти домой. «Что ж, иди, вон твой дом, – показываю в сторону нашей деревни, – одна дорогу найдешь. Я еще не закончил работу.»

Динка, словно поняла мои слова, побежала, принюхиваясь к невидимым следам, на начинающей зеленеть траве. Инстинкт сильнее воли и свободы...

Надежды впереди

После холодного со снегопадами и ветрами апреля на майские праздники оттеплило. Температура перевалила за плюсовую отметку.

Наконец-то пришла долгожданная Весна!

Речка Исеть затопила релки от бора до правого высокого берега. Свободное течение воды увлекло за собой всякую всячину: коряги, бревна, солому.

Распустились золотистые вербы. Солнечными искорками помигивают серебристые волны. У берега отраженное солнышко плавно покачивается на мутно-вешней воде, ослепляя

и пытаясь расшевелить разуверившуюся во всем уставшую душу... Где-то в глубине груди сдавленное до боли сердце едва-едва откликается на весенние перезвоны то вспыхивающих, то гаснущих надежд...

Весна! И снова пришла к нам красавица Весна!

Мир долгожданный и почти что недосягаемый в мечтах и бессонницах в пору долгих зимних ночей.

Снова течет свободно очищившаяся от многомесячных ледяных оков наша многострадальная мученица – речка Исеть... И качается на ее волнах, проплывая по-над городом белым лебедем, торжественно-божественный красавец – Спасо-Преображенский собор, будто возникший из сказки о граде Китеже. И замолкают перед сим видением все неравнодушные к мечте, сказке и красоте...

И будто во вдохновенной молитве подняли руки-ветви прибрежные тополя, устремив свой взор к бездонно-бирюзовому небу.

Среди этого весеннего обновления мелодией надежды и восхищения звенят на солнце разноцветные витражи собора и его серебристые купола. Органом звучит бело-каменная музыка.

А за рекою, в растворенной прозрачно-перламутровой зыби истаивают перелески и колки увалов да забытые русские деревеньки.

Над всем этим земным миром плывут невозмутимо кучевые облака.

...В памяти всплывает весна шестидесятых... Деревянный мост через Исеть. Мы, молодые специалисты, после выпускного вечера, с гитарами, в серых пиджаках и узких брюках гуляем всю ночь – прощаемся с Шадринском, уезжая на Дальний Восток.

Все надежды впереди...

Этюд с вороньим гнездом

Вчера опять после работы ходил весну рисовать. Релки подсыхают. Только кое-где остались сверкающие на солнце ливинки. Весенние воды все еще не вошли в берега. Вот эту

воду, с затопленными охристыми, освещенными вечерним солнцем кустами, я и решил написать.

Особенно долго не удавалась вода. Замерз. У воды пока еще прохладно. Да и ветерок холодный.

Что-то уж очень грустная получилась у меня весна. Краски серо-холодноватые. Нет ярких, звучных тонов. К тому же и солнце закрыло низкой облачностью. Долго бился над этим этюдом, пытаясь сгармонировать краски и добиться цельного восприятия. Передал ли я весеннее настроение? Или стало похоже на осень? Но, с другой стороны, ведь и весна бывает разная?! То холодная и затяжная, невыразительная и серая, а то враз тепло наступит, и засияют яркие краски, радуя и вдохновляя.

На душе моей сегодня как-то зябко и одиноко, пасмурно и тяжело. Значит, созвучно настроению сегодняшней весны. Акцентом этюда стало гнездо на кустах. Рядом посиживают две вороны, вернее, одна на суку над гнездом, а у второй – только хвост торчит из гнезда. Вот этот весенний момент и дает надежду на будущее: жизнь продолжается несмотря ни на какое грустное настроение. Раз птицы не боятся холода, значит, и люди должны надеяться на скорое тепло.

А пока... Я тяжело вздыхаю... То ли этюдом недоволен, то ли – своей жизнью, то ли пасмурной весной. Говорят, время лечит...

Рождение чуда

*П*олнолуние. Что-то никак не шел сон: то ли от яркого света луны, то ли к перемене погоды ломило суставы. Никак не спалось. Выдыхалось тяжко, вспоминалось разное...

...В обеденный перерыв рабочие сидят на берегу Исети и, попыхивая папирисками, смотрят в безмолвии на воду, на кусты ивняка, затопленные водой. И верба распушилась – словно рой золотистых шмелей облепил весь куст. Легкий ветерок чуть раскачивает ветви. Солнце ласково пригревает. Трава зазеленела, растет чуть не на глазах. Берега в желтых полянках – маленьками солнышками зацвели одуванчик и мать-и-мачеха. Первой затаенной радостью отвечает оттаявшая земля на тепло и ласку весеннему солнцу.

Может быть, вот это ежегодное рождение чуда, коего мы ждем – не дождемся с таким нетерпением и с трепетом встречаем, а в томительно длинные и холодные ночи не-удержимо грезим, поджиная цветущую весну, и заставляет учащенно пульсировать нашу кровь. Только неравнодушное сердце откликается на возрождение природы, на ново-явленную красоту.

Не это ли не дает нам спокойно засыпать по весне? Будит и будоражит, чтобы не проспали мы этот прекрасный миг – миг рождения живого листа или цветка с их неповторимым цветом и формой? Не это ли нас беспокоит и мучает? Не мать ли природа напоминает нам, чтоб мы – ее творенье – оставались или становились людьми, чтобы умели удивляться? Умели бы радоваться, восхищаться ее красотой. Чтобы оттаивали наши души от взаимных распреий и дикой злобы. Чтобы не черствели они в затхлых и однообразных буднях быта, в погоне за призрачными ценностями и легкой наживой...

Видимо, вот это мучительное беспокойство весенними ночами заставляет искуривать почти до мундштука горькую папиросу, стоя у раскрытой форточки и вдыхая волнующие весенние запахи. А забравшись под одеяло, еще долго лежать с открытыми глазами и вспоминать этот удивительный мир – мир весеннего цветения или восхода солнца в росных лугах, пение ли птиц по утрам, или прислушиваться как разворачивается и шуршит первый весенний лист...

Цветы вдовам

*П*риехал я как-то к маме на 9 Мая. Как раз огороды вспахали. Пошли садить с ней картошку. Садить, не копать. Быстро разбросали. До обеда поправились. Смотрим – тетка Прасковья с дочерью Марией все еще садят. Пошли с мамой к ним. Я взял лопатку. Мы с Машей копаем ямки, а мама с теткой бросают картофелины. Хорошо, когда много помощников. И тут быстро поправились.

Тетка давай на стол собирать. Все-таки праздник сегодня – День Победы. Хоть и нерадостный. Пришел ее Иван с войны израненный... Да вскоре и умер. Опять она одна с ребя-

тишками осталась. Но вырастила, выучила, хоть и одна работала.

Отужинали. Праздник отметили. Пошли по домам.

А мне что-то в мозги вдарило. Уже темнеть стало, а я вспомнил, что за «кирпичным» у нас всегда подснежники росли. И побежал. Не ближнее место да на ночь глядя в лес бежать. Хмель в голове. А про клещей энцефалитных даже и не вспомнил. В наших краях их сильно много по весне бывает. Все нервное отделение заполняется «клещевиками».

Дошел до «кирпичного» с километр примерно. Уже еле различаю полевую дорожку. Чуть не на ощупь иду. А до лесу еще столько же, где подснежники цветут. Это за Понькинской гранью. За большой поляной. Возле омутов на бугре, где мы в детстве с ребятами целыми днями купались в этих холодных и чистых омутах. Разбежишься с крутого берега и ныряешь в эту холодную бездну. А вода чистая пречистая. Все дно видно, как голыни и пескари там резвятся. А мы тоже вроде голынов были. Купались без одежды, голенькие. В лесу никто не видит.

Носимся по поляне нагишом, а потом сигаем в воду. Аж обжигает тело от холодной родниковой воды.

Тут, возле этих омутов и цветли по весне подснежники. Я вспомнил детство, цветы и поперся на ночь глядя... «Дурная башка» — говорят, — ногам покою не дает».

Прихожу на эту поляну уж в темноте. Хорошо, что каждый кустик, каждое дерево с детства знаю. Почти наугад иду. Темень...

Какое-то трепетное волнение охватило. Тут должны подснежники цветти. Опустился на колени, стал чуть ли не ползком осматривать этот бугор. Мне уже пятьдесят, зрение ослабевать стало.

И точно! Засветились, будто фонарики теплятся, горят слабым внутренним светом. Вот они сердешные! Красавцы пушистые. Стал рвать. Вот еще группа. Вот еще. Уже ничего не вижу кроме цветов. Мгла спустилась на землю. Да еще кругом березы. Неба не видно. Нарвал цветов — окружался. Не знаю, в какую сторону идти. Еле сориентировался. Пришел в деревню часа через два. Как слепой иду. Ничего не

вижу. Стучу к тетке Прасковье. Они уже закрылись. Спать ложиться собираются.

— Ты это откуда? — спрашивают. Я захожу с цветами. — Вот, — говорю, — решил Вас с праздником поздравить, — с Днем Победы Вас! — и подаю им половину. Остальное маме.

— Ты че, сдурел? Небось за «кирпично» сбегал?

— Ага, — говорю, — туда.

— С ума сошел, — а сами улыбаются и довольные.

— Не боишься клещей-то?

— А я и забыл про них.

— Ну, спасибо, Леня... За цветы! За поздравление. Садись, посиди. А мы уже спать собирались.

— Нет, я пойду. До свиданья.

И вышел опять в ночь. Со свету и вовсе черную, черную...

Лишь подснежники в руках да россыпь звездной пыли вверху едва светятся в этой кромешной тьме... Будто это были живые души тех, не вернувшихся с войны солдат — наших родных и близких, погибших за нашу непутевую жизнь...

За нашу многострадальную Родину! Слава вам, Сыны Отечества!

И вечная Память! Ваши светящиеся души, точно эти подснежники, указывают нам праведный путь в нашей окаянной жизни!

Мы помним о вас.

Будто и не было тепла...

За один день все деревья распушились — и березы, и тополя, и сирень с черемухой. Только яблонька вон чего-то ждет — ожидает, стоит без единого листочка грустная; словно посохшая. То ли теплу не верит?

Весь день тихо было. Жара стояла почти как летом, хоть загорай.

Обочины дорог покрылись яркой зеленью. Накануне небольшая гроза ночью прошла, вот трава и полезла. Зацвели одуванчики. Лужайки перед каждым домом зеленым атласом переливаются. На фоне сочной зелени мирно пасутся гуси с нежно-желтеньким выводком цыплят.

...К вечеру стало ощутимо прохладно. Заподувало, загулял шальной, порывистый ветер, поднимая такую пыльцу на дороге, что домов не видно стало. Тревожно затрепетало развешанное во дворе белье.

Один раз так дунуло, что аж скворечник свалило. Скворец прилетел, а домика нет. Вдвоем с соседом мы быстро поставили ему жилье, закрепили понадежнее. А скворец уж тут как тут. Осмотрел снаружи свое жилье, забрался внутрь и долго не показывался, обустраивался, видимо. Потом, слетав куда-то ненадолго, опять забрался внутрь. Выглядывая из отверстия домика, он прислушивался к нестихающим завываниям зноящего северного ветра. Будто и не было тепла...

За ночь в бочке вода покрылась ледяным стеклышком. Снова надо печку дома топить – похолодало.

...Тучи обложили все небо, никакого просвета не видно. Полетели «белые мухи» ... Будто время назад потекло.

...Но посмотришь на ожившие деревья – они стоят золотисто-зеленые, пушистые. Черемуха уже и цвет набрала, словно жемчужные ожерелья на себя понавесила, а кое-где и пышнокисти уже заневестились, дурманя ароматом своим парней и девчонок. Весна не сдается...

Черемуховые холода

*М*ёмно-синие тучи плывут низко, вернее не плывут, а ползут, наваливаясь всей своей свинцово-холодной тяжестью. И если бы не этот шальной, порывистый ветер, то тучи бы, наверное, раздавили первую проклонувшуюся нежную зелень трав, цветов, дерев...

Неожиданно ярко представил картину Казимира Малевича «Чёрный квадрат», написанную им в 1915 году. Такая бесыходность в этой картине. И в то же время какая-то надменная самоуверенность. И вечность...

Какая дикая драма жизни разыгралась в России. Как он всё предвидел? И предугадал?

...И пока что мы все ещё находимся в этом «чёрном квадрате».. И ещё не одному поколению придётся жить в темноте...

А пока многие пытаются ловить рыбку в мутной воде,

особенно те, у кого власть, у кого хапающие инстинкты развиты сильнее, кто и раньше привык грести под себя. У кого ни совести, ни чести...

Ну и Бог им судья!

И в природе что-то творится невообразимое...

Вот и нынешней весной поднялась такая круговерть – такой ураганный ветер да с обильным крупным снегом, что свету белого не видно стало. Ветер разрывает плотные массы облаков на клочки, растеребливает и разгоняет их по звонкому небу, вселяя надежду, что эти серые тучи не монолитны и не вечны. Такие ветры и холода наступают почему-то во время цветения черемухи. Черёмуховые холода... И цвет черёмухи, словно снежинки...

Ещё утром было солнечно. Потом внезапно потемнело. Повалил снег да еще с ветром. Я бросился в огород, скорее гряды плёнкой закрывать стал. Так что ветер меня чуть не унес вместе с плёнкой. Разметал резвый ветер злые тучи, и снова засияло весеннее солнце. Снег быстро стаял. Только ветер продолжал трепать черёмуховые соцветия, раздувая их лепестки и напоминая этим о недавнем нагрянувшем снеге. Бывает – после холодных дней резко, враз оттеплит. Придет, наконец, долгожданное тепло. Закопошится народ на огородах. Весна всё-таки берёт своё. Май на исходе. Может ещё и будут заморозки, может даже и снежку подвалит... Всякое бывает в наших краях.

Весенне беспокойство

*О*казаться на реке в воскресный солнечный день для мальчишек самое желанное и радостное событие. Сидят они под берегом довольные, удочек не выпускают из рук, хотя настоящего клева еще и нет. Все равно не уходят от воды. За ветром, на солнышке приятно пригревает. Ребята сидят, жмурятся от искрящегося солнца на воде, не спускают глаз с поплавка.

Весенний шальной ветер беснуется вокруг. То налетает резкими порывами, рябит воду, то поднимет соломенную, труху с дороги и с каким-то вызывающим озорством, бросит ее в реку.

Ветер прошуршит по прибрежным кустам тальника, ероща и пригибая к воде цветущие ветки с нежно-золотистыми вербочками. Или закрутит на одном месте, поднимая пыль столбом. Побежит по лужайке, увлекая за собой оброненное птицей перо, и поднимет его на такую высоту, что оно станет едва заметным или вовсе скроется из виду. Облака все бегут и бегут, застилая пронзительную голубизну неба. Лишь у самого горизонта лучи солнца еще прорываются звенящими золотыми струнами и ярко освещают дальнее село с белыми крышами, высокими тополями, что взметнули свои охристые кроны, да так и застыли светлыми пятнами на фоне ультрамариновых пашен.

Эта ширь, это раздолье, это глубокое, манящее светлой далью пространство, эти быстро летящие облака и этот гуляющий по просторам полей, пьянящий сладостью свободы вольный майский ветер – все будоражит, не дает покоя, зовет куда-то, заставляет вытягивать шею, смотреть пристальней в далекую освещенную даль, где за селами и пашнями стоят умытые утренними туманами перламутровые березовые колки и перелески. Солнце высветляет их по очереди, заставляя обратить внимание на детали и подробности: то крыши и тополя засветятся, то всё опять погрузится в тень. Эти переходы от света к тени, эти постоянные изменения в природе тревожат и волнуют. От этого весеннего беспокойства где-то в глубине души вдруг всколыхнется давнее, перенесет тебя в годы юности, когда по весне возвращался в родные края. Полнота сил вновь наполнит все тело, и ощущишь уже почти забытую радость встречи с вольным ветром, с широким полем и родной стороной.

Ребятишки-рыболовы

*П*ометавшись по комнате от одного окна к другому, оставляю все дела на потом, быстро собираю этюдник и пускаюсь к зеленеющим заливным лужайкам. Направляюсь к речке – «на мыс», как тут называют.

В этом месте речка делает крутой поворот, подмывая обрывистый берег все больше и больше. Если бы не кряжистые

тополя, что стоят на берегу, речка, наверное, еще активнее бы действовала. У этих тополей я всегда удобно устраивался. И теперь опять решил направиться к ним.

На другой стороне реки берег более покатый. У самой воды пышно и густо разросся тальник. Из этих нежно-охристых зарослей доносились ребяччи голоса, и поднимался сизый дымок. Подхожу к тополям, стараясь рассмотреть тех, что копошатся в кустах. Они, видимо, первые меня заметили и залегли. Совсем неожиданно за спиной кто-то громко заговорил. Я повернулся, повертел головой – нет никого. Звук повторился. Я догадался посмотреть вверх, на тополя, но и там никого не было видно. Жду. По-прежнему тишина. Только скворчик заливается на самой вершине.

Из-за ствола показался козырек фуражки и снова скрылся. Теперь-то уж меня не проведешь.

– Ах, ты, охаверник, – думаю про себя.

– Сдавайся, – кричу – эй ты, на тополе!

Медленно появляется смущенное улыбающееся широкоскулое лицо парнишки лет двенадцати.

– Ну что, поймал? – кричит он кому-то внизу.

Тут я различаю под берегом еще одного. Стоит в немом напряжении, правая рука вытянута вперед. Замерло удилище. Левая рука отведена назад и в сторону. Туловище подалось к реке – вот-вот рыбак свалится в воду. Еще мгновенье – и резкая подсечка; под бурлящей речушкой засеребрился пескарь.

– Вася, еще один! – взвизгнул рыболов.

Вася мигом оказался рядом с ним. Они присели на корточки. Счастливец надевал нового червяка, а другой парнишка нанизывал очередного пескаря на тонкий ивовый прутик, где болталось с десяток рыбешек.

В кустах напротив зашевелились. Ребята начали выходить из укрытия, чтобы разделить радость рыболовов. Один из мальчишек помчался вдоль берега вниз по течению. Там, на обрыве, сидели неподвижно еще два рыбачка.

– Ну, как, клюет? – кричу им.

– Худо, – тихо отвечает ближний.

– Мутная вода еще.

Второй зашевелился, поднял удилище, поправил червяка, встал и перешел на другое место, чуть подальше.

Я больше не стал им мешать, а занялся своим делом. Раскрыл этюдник, начал писать покатый берег с крайним заброшенным домом и заросшим огородом на фоне вечернего неба. Внизу шумела быстрая речушка с мутным зеленовато-охристым отражением кустов, костерком на берегу и ребятишками возле него, уплетающими печеную картошку.

Ветер мая

Промаялся весь день – поясница отнялась. К вечеру, через не могу, решился полить морковку, лук, чеснок. Поти-хоньку всё полил, иду домой. А ветрище поднялся, аж глаза песком запорошило. Несёт пыль по улицам.

Пришел домой и как-то враз стихотворение вылилось про ветер:

Ты с ума сошла,
Погода майская.
Туча чёрная пришла
Не с добром, не райская.
Ветер лихо закрутил, дерзко,
Воровским, нахальным стал, мерзким.
Рвёт, метёт песком,
Нервно бьёт в лицо.
Землю вихрем несёт.
Среди бела дня идёт.
Не боится никого. Не стесняется,
Волей вольною наслаждается...

Ветер такую пылищу поднял, что ничего не видно стало на улице. Как ночь пришла. Засверкало на западе горизонтальными и вертикальными сполохами. Застучали по стеклу крупные капли дождя. Смотрю, у соседа сорвало железные листы с сарайки. Полетели они как великаны-бабочки. Шифер на крыше брякает, аж сердце обрывается. Сосед маячит мне из своего окна, показывая вверх. А я опять держу оконную раму. В прошлом году еле успел, задержал всё-таки раму. Вырвало из наличников. Тоже весной такой же ураганище был. Тогда у многих шифер с крыш как шелуху от семечек сдуло.

Вихри промчались, улетели как дикие разбойники. Я выбежал во двор. И точно. Опять несколько листов как небывало. Одни осколки валяются. И антенну сломало. Полез на крышу закрывать. Только успел приколотить шифер, как снова налетел ветер, но теперь уже с дождем. Стою в сенях, смотрю на весенний дождь. Такой желанный вроде бы, но уж очень хлесткий какой-то, жестокий что ли. Недовольный чем-то. Злой на кого-то...

Вот бы вчера не заболел, да посадил бы картошку... Хорошо бы полило. Но увы, всё недомогаю. А в народной пословице говорится, что «умирать сбирайся, а рожь сей».

Надо жить как-то... А вернее – выживать... Вот и помогаю себе... Сам...

Был конь...

Жа лужайке за огородами крайнего дома паслась белая лошадка. Она довольно резво уминал свежую травку, ловко захватывая ее и теребя желтыми, словно прокуренными зубами. Лошадь часто отфыркивалась и снова принималась уплевать сочною молодую зелень.

Рядом озабоченно сновали черно-зеленоватые скворушки. Она искоса поглядывала на них своим огромным глазом, в котором выпукло отражалась вся ширь и глубина зелено-луговины. Скворцы членками сновали возле передних, спущенных ног лошади, покачивая из стороны в сторону черными с проседью головками, будто сочувствуя ей. Та, в ответ тяжело вздыхала, с шумом выпуская воздух через ноздри. Скворцы чуть отскакивали в сторону, но не улетали, продолжая поиски разной вкуснятины для своих птенцов, торопливо пробегали мимо большого лошадиного глаза. И конь, как бы стараясь угнаться за ними, начинал быстро-быстро переставлять спущенные ноги. А скворчики уже вышагивали далеко впереди и набирали еды для своих птенцов, улетели в сторону деревни. Конь напружинивался, сведя все четыре ноги вместе и, оттолкнувшись задними, поднимал грузное тело, подавая его вперед. Сделав два-три таких скачка, он останавливался и, долго-долго смотрел в ту сторону, куда улетели

скворцы. Солнце пригревало. Доносились привычные звуки: горланили петухи, незлобно лаяли собаки, таращели трактора, кричали голодные чайки над разлившимися весенними водами. Эти звуки были естественны и знакомы, и действовали успокаивающе. Лошадь снова принялась пощипывать аппетитную траву и помахивать хвостом.

Но вот она, прядая ушами, прислушалась к чему-то, резво подняла голову. Легкий ветерок едва шевелил ее гриву. Тело замерло.

Со стороны деревни, по другую сторону разлива, показалось десятка два быстро бегущих лошадей. На бегу, схватывая травинки, они неслись по распадку к низине, на зеленоющую поскотину. Тонконогие жеребята резвились около кобылиц, носясь галопом и взлягивая от ощущения воли и простора.

Старый конь не шевелился. Он стоял и смотрел в расплывающуюся в его глазах синеющую даль с вольным табуном. Только нервно пошевеливались его раздутые ноздри, выдавая волнение. Тревожно и глухо заржал, мерин мотнул головой, словно старался отделаться от наваждения...

Может быть, впервые, он так остро почувствовал быстро пролетевшие в тяжком труде годы. Увидев легко и свободно бегущих лошадей, он, возможно, вспомнил то, почти забытое и незаметно промелькнувшее время, когда и он был вот таким же быстроногим и резвым стригунком... А вроде было это только вчера...

Майские костры

Жаконец-то тепло стало. Температура до плюс семнадцати градусов поднялась. Выйдешь в одной рубашке на улицу, и до того это необычным кажется! Как-то неестественно легко и свободно. Едва дождались тепла. Все холода стояли. Все ходили в пальто или куртке, а тут враз переменилось. Тепло пришло. Ребятня теперь раздетыми до темна будут играть на воздухе. Настала вольная пора.

Трава за один день вылезла. Зазеленели пригорки, и вера появилась, что весна по-настоящему пришла. На глазах все

ожило: и деревья, и трава, и мошкаре. Запорхали бабочки, запели птихи. Люди в огородах закопошились – по вечерам дымы стелятся, заполняя округу синевой. Запахи оттаявшей земли и сгоревшей прошлогодней ботвы принесли ощущение далекого послевоенного детства, запах горячей печеной картошки у костра....

Костры жгут допоздна. И ребятишки, и взрослые стоят возле огня торжественно-задумчивые. Языки пламени движутся по сухой траве, вырываются из-под желто-тягучего дыма, озаряя и выделяя лица людей ярко-оранжевыми пятнами на фоне загустевшего вечера.

Днем самые нетерпеливые начинают копать землю под грядки, чтобы она отдохнула и прогрелась, готовятся к посадке. Не зря пословица живет «весенний день – год кормит». Вот и спешат люди: кто ремонтирует теплицы, кто таскает навоз на огуречные гряды и закрывает их пленкой.

Разбудило весенне солнце матушку-землю, расшевелило людей на дела.

А комарё вьется и зависает стайками, перестраивая свои ряды как по команде. Их и прозвали толкунчиками; толкуются – тепло ворожат.

Заходящее вечернее солнце, словно пламенем зажигает стены соседнего дома, забор, сараи. Отражается в окнах тревожными сполохами. Отсветами далеких пожарищ вспыхивают они в памяти одиноко сидящего возле дома ветерана Великой Отечественной... Снова месяц май...

*Предсажи туман над речкой
Видеть утренней зарей!
Излечи, укрой сердечко
От недуг и злых людей...
Предсажи цветов цветенье,
На полянке в летний день,
Сделай милость!
Вдохновенье
Подари! Судьбе взамен...*

Лето

Родники детства

Пробнулся рано. В избе пахнет тестом. На столе корчага с мукой. Мама хлопочет возле печи, озорно пощелкивают осиновые поленья. Лицо ее озаряется отсветом пламени...

Выхожу на крыльцо. За перелеском, на востоке чуть алеют облака. Тихо. Собираю рисовальные принадлежности и – за оконницу, утро встречать.

Едет на лошади знакомый пенсионер. Бренчат на телеге пустые фляги. Он молоко по дворам собирает. Здороваемся, улыбаемся друг дружке, подмигиваем.

Спускаюсь к пруду. Иду вдоль нежно-зеленых тальниковых зарослей. Свернув в молодой березовый колочек, останавливаюсь. Разворачиваю этюдник, достаю акварельные краски, кисти.

Зелень, запахи цветущей земли, великаны тополя, взметнувшие свои руки-ветви – все это в каждом своем обновлении радует взор, волнует и одновременно тревожит. Слишком быстро течет неумолимое время. Не успеешь налюбоваться – глянь, а уже отцвели и черемуха, и сирень. Белым снегом осыпались на землю лепестки яблонь.

По всей опушке разбежались огоньками-солнышками ярко-желтые пятна горицвета. Они первыми встречают восход солнца. Повернули свои золотистые венчики к огромному малиново-красному светилу, показавшемуся из-за темно-синей кромки леса.

Ну, с Богом! Зачерпываю воды из родника, что рядом в овражке протекает. Вешние воды тут всегда в половодье буйно шумят и размывают берега, образуя омутки. Мы там со сверстниками когда-то гольянов да пескарей ловили. Кто решетом, а кто майкой, завязав ее с одной стороны узлом... Теперь этот овражек стал мелким, заросшим осокой. И вода в нем только на самом дне чуть поблескивает. Но чистая-чистая – каждую травинку-былинку видно. Зачерпнул я ладонью этой прозрачной искристой влаги, испил... Очень вкусно. Поплескал на лицо. Обожгло вначале, но потом разлилось приятное тепло. Вроде и душа оттаяла... Вот так попьешь водицы да умоешься из родника детства и снова ты полон сил. Будто и не прожита добрая половина жизни. Снова хочется верить и жить.

Стихия

Наступило лето. Солнышко припекает с самого утра. Вторую неделю жарит. А дождя всё нет и нет. Поехал на велосипеде за минералкой. Решил завернуть на реку, искупаться. Вода приятная, хорошо освежает, не хочется вылезать. Пришли два деревенских паренька с удочками, увидели меня в воде, удочки в сторону и давай раздеваться. Нанырялись, набрызгались недалеко от берега, вылезли из воды, и стали возиться на песке да строить из него разные башни и дворцы. Забыли про рыбалку.

Смотрю – заморачивать кругом стало. Я быстрее на велосипед и домой. Ветер подгонял меня в спину. Повернул голову – туча чёрная за мной гонится, а лужайка всё ещё освещённая – жёлто-зелёная. Красиво! Да только уж очень тревожная эта красота...

Солнце спряталось. Запокрывал крупный дождик. Приватило меня чуть-чуть. Но на обильно-беспроблемный ливень с ураганным ветром я уже смотрел из окна своего дома. Сверкало и гремело. Ветер нес занавеси белого дождя, размахивал ими по округе и обрушивал потоки воды на дома, деревья, огороды. Мутный ручей разлился по всей ширине дороги возле нашего дома. Один раз так хлестануло дождём с ветром, что зашевелилась оконная рама. Я успел схватить её и удержать. Но мне пришлось поднапрячь все свои усилия, чтобы сдерживать порывы страшной стихии. Так я и простоял целый час, удерживая раму, пока ураганный ветер не стих. Аж все мышцы онемели...

Сбежала дождевая вода в реку. Выглянуло солнце, засверкало всё. Зелень прибило к земле. Еще вчера была нежная и пышная весна, еще вчера яблони красовались в своих подвесочных нарядах, а сегодня стоят растерзанные, побитые... Наглая стихия надругалась...

Сирень только что зацвела, соцветия не распустились полностью! Потому и не облетели. Сегодня тихо. Ни один листик не шелохнется. Какое-то растерянное, светло-покорное состояние.

О рыбаке и рыбке

Свернув с асфальта на проселок, «Нива» начинает колесить по заросшей свежей зеленью тропинке, чтобы попасть к Исети. Дорожка петляет между тальковыми зарослями. Наконец-то, впереди выплывают клубы дымчатого тумана. Значит, речка где-то рядом.

Останавливаемся. Из машины вылезать не хочется: в тепле разморило, потянуло в сон. Ежась от утренней прохлады и сырости, начинаем выгружаться, настраивать рыболовные снасти. И сон как рукой снимает. Бредем по росистому разнотравью поближе к берегу. Разматываем удочки, насаживаем наживку.

В этом месте река как бы недовольно взрываеться изнутри, выворачивает воду наизнанку. Поплавок стремительно скрывается в водовороте, но ненадолго, и, вынырнув из пучины, будто раздумывая, приостанавливается и, покрутившись на одном месте, тихо идет против течения. Подкрадывается к кусту растущей в воде травы и – замирает. Но вот он несмело шевельнулся и чуть заметно дернулся. «А ну, смелее; еще разок!» При этих словах он, как бы подчиняясь нашему желанию, резко ныряет под воду. Рука тут же непроизвольно делает подсечку. По всему телу пробегает жаркая волна – на леске тяжесть. Леска натягивается сильнее, удилище изгибаются. В толще воды полыхает зеркальный отблеск. С великим опасением поднимаешь удилище. Леска будто зацепилась за задеву – не идет никак. Рыбина сопротивляется, изворачивается, мечется из стороны в сторону, упирается изо всех своих рыбьих сил... Но где ж ей тянуться с человеком. В конце концов, она все равно вывернута из бурлящей стихии. Летит над водой, высекая своим хвостом серебро. С нетерпением пытаешься подхватить ее на лету. Она продолжает еще неистовее вырываться, изгибаясь упругим, сильным телом. Так и норовит выскользнуть. И ей это удается! Она, подпрыгивая, скатывается по крутому берегу к воде. А ты в это время забываешь обо всем на свете, только одно управляет тобой: только бы не упустить, только бы успеть поймать рыбину, пока она на земле!

Ослепленный удачей, хватаешь этакую государыню-рыбу своими измазанными илом руками возле самой воды. Рыбина ловит воздух, словно изо всех сил тужится закричать, а звук не получается... «Может отпустить обратно ее в реку, на волю? Может она исполнит тогда твои заветные желания?»

Но давно не верит взрослый человек в сказку о золотой рыбке. Поэтому без всяких эмоций рыбу засовываешь в садок, где она все еще продолжает шумно биться.

Солнце, багрово-красное, огромное, поднимается над белесо-мутным туманом, окрашивая его в розовато-фиолетовые тона. Просыпается новый день. На берегу реки едва различимые в утренней дымке застыли рыбаки.

Встреча с родной стороной

«Икар» идет на повышенной скорости. Кажется, что это не автобус мчится, а лента асфальтированной дороги летит навстречу ему, падает под колеса и снова взлетает сзади, скрываясь за поворотом в березовом перелеске.

Не доехав до конечного пункта, выхожу и последние пять километров иду пешком через лес, напрямую по полевой дороге. Как в юности, когда автобусы к нам не ходили. Утро бодрит прохладой. Шагаю сквозь поросьль стройных берез. Их чистые, белые с розоватым оттенком стволы, кажется, излучают прохладный свет. Эту тишину нарушают только мои шаги. Воздух, словно эликсир жизни, расширяет взъянную грудь радостью скорой встречи с родной стороной. Иду мимо набухших весенней влагой полей.

И вот я стою на высоком бугре, а внизу, вдоль речушки, цепочкой растянулись белые шиферные крыши, вперемежку с железными, крашенными суриком. Возле старых полузараженных избушек на окраинах высятся великаны-тополя. То приближаясь, то удаляясь идет по деревне утренняя перекличка петухов. Изредка незлобно пролает собака, да протяжно замычит буренка.

Нынешняя весна и начало лета не балует нас теплом и ясным солнышком. Постоянно бороздят небо низкие облака. Бывает, пролетают «белые мухи».

Переживает хлебороб, как уродит земля в этом году? Хоть и говорится в пословице «май холодный – год хлебородный», но как-то будет на самом деле?

Вдыхаю запах родной земли. Он, словно, поднимает меня на крыльях и уносит в далекую страну детства, где по вечерам витали мечты и сказки возле горящего в темноте костра. Уносит в светлый мир, наполненный теплотой материнской ласки, прикрывавшей нас своей шершавой ладонью и оберегающей от лихолетья времени.

Летние слезы

Сегодня опять дождик идет. Недавно, около Троицы, налетел грозовой ливень с громом и молниями. Вначале капли как слезинки на солнце засверкали. Дождь и солнце. Раньше говорили, что это царевна плачет...

...Отшумела, отбушевала цветущая весна. Белым снегом осыпался цвет черемухи. Утихомирилась она, успокоилась. А совсем недавно так бесшабашно они бесились со своим другом ветром в свадебно-опьяняющем угаре.

То ли от пьянящего аромата весны, то ли от переполняющего душу счастья, то ли от предчувствия чего-то недоброго... Досыта натешились, налюбились, наласкались они. Да только недолгой была их любовь. Как внезапно появился её шальной красавец, так же быстро и улизнул...

Пригорюнилась черёмуха, оставшись одна-одинёшенька. Без помощи, без совета, без любви. И загрустила...

Вот и проливает Мать-Природа уж который день летние слезы по своей доченьке.

А под сердцем у черемухи уже набухают зелёные ягодки. Пролетела короткая и безумная любовь... Прошла весна, наступило лето. Умывается черёмуха горючими слезами. Но время берёт свое. И притупляет боль... Надо дальше жить. Умыл черёмуху летний дождичек, и снова повеселела она, заблестели на солнце листочки. Заприхорашивалась, глядячи в придорожные лужи. Запокачивались веточки с ягодками, наливающимися от солнечного прикосновения. Опять похорошела черёмуха.

Но вот где-то прошелестел набежавший ветерок, забыл соседние молодые деревца, зашептал им заветные слова. И что за миг – затрепетала опять черемуха. Нет, нет, не забыла она свою весну. Да и как ей забыть тот самый прекрасный миг своего счастья. Тот миг, когда она, как в омут с головой, бросилась в свою первую любовь и была так же горячо любима.

Вот и теперь чуть не кинулась она вдогонку своему дружку ветру, будто птица без крыл... Заволновалась, зашелестела листочками. Протянула ветви... Но ветер пролетел стороной.

Только нежные руки дождя всё поглаживали плачущую черёмуху да успокаивали её.

И запеклась в глазах-ягодках вековечная грусть-печаль.

Расцвела яблонька

*В*от и пришло долгожданное тепло. Солнце пригревает. На небе ни облачка. Вчера посадил две грядки луку. Сегодня надо досаживать лук-севок, свеклу, огурцы. Мошкаря тучи и жара стоит – дышать нечем.

Вот какое привередливое существо человек. Никак на него не угодишь, Холодно – не ладно, жарко – не хорошо. Может, это наш организм ещё не перестроился на тепло после холодной зимы и затяжной весны. Не привык к такой резкой перемене погоды. К холodu видимо мы больше привычные. Но лично мне, лето почему-то больше нравится. Может потому, что жильё холодное, неблагоустроенное – так намёрзнемся что и жить не хочется... Да и народ говорит, что «жар костей не ломит». Пусть уж лучше жара. Можно раздетым ходить. Пусть тело свободно подышит.

Что ни говори, а когда тепло – это благодать!

Вон как пышно расцвела, разневестилась яблонька! Листьев не видно. Один белый цвет. Наверное также в раю... А тут всё наяву происходит. Это ли не Божественно! Слава тебе. Господи, за такое чудо! Слава Богу, дожили опять до тепла...

Только вот не каждый год так яблонька расцветает... Иногда и без единого цветочка весну простоит. Говорят, что отдыхает.

Но вот такого пышного цветения, как нынче, я давненько не видел. Сердце замирает от такой целомудренной красоты... Ради неё-то и терпим все осенне-зимние месяцы. Хотя каждое время года по-своему прекрасно... Но это уж на любителя...

В овраге

*В*ечера стоят длинные, тихие и светлые. Пишу у окна. Свет так и не включаю. Белые ночи начались.

Последнее время керамикой увлёкся. Делаю из глины свистульки. Нашёл хорошую глину. Как пластилин нежная. Любому движению души подчиняется. Копаю глину в овраге, а кругом берёзки молодые стоят. Зелень листьев ещё не потемнела. Чисто, светло и солнечно – как в русской горнице. Все цветёт и благоухает. Мёдом напахивает от медуницы. В голубых венчиках цикория летнее небо звенит. Вершины берёз мерно покачиваются, выметая с синевы небес белые облачка. Но сожмётся болью сердце, что красота эта может исчезнуть, когда придет зимушка-зима с холодными метелями и беспросветно-серыми днями...

А пока что светлая радость переполняет мою душу от каждой травинки, цветка или деревца с трепетными нежными листочками.

Пора невыразимых желаний

С раннего утра солнце начинало припекать. К полудню зной становился просто невыносим. Во всяком случае, мы еще не привыкли к таким резким переходам от холодных и ветреных дней мая к такому жаркому затишью. В июне пришло долгожданное лето, а мы и не рады... Холодно – не хорошо, жарко – не любо.

Летят куда-то белые легкие пушинки, нежатся в желтоватом мареве солнечного утра. Это раскрываются крохотные нежно-зеленоватые коробочки у тополиных сережек, выпуская на волю эту шелковистую белую пряжу. Чуть поднимется ветерок и закачает сережки – из коробочек тотчас начинают

вылетать и плавно кружиться эти легкие пушинки, напоминая нам среди знойного лета о первом снеге...

В траве, где-нибудь в углу сада или старого двора, в зарослях крапивы и лопуха горят маленькие солнышки – цветут ярко-желтые одуванчики. А рядом уже выглядывают из густых трав зеленого города их дымчато-прозрачные шарики-фонарики. Сорвешь такой шарик, дунешь на него и полетит по двору целый дивизион парашютистов-десантников. Семечек в шарике до двухсот штук. На реке, в тихих заводях, воду затянуло пухом. Рыбешка дивится, высакивая: что за белые мушки летают? Пытается схватить, опускающиеся на воду, парашютики. Устало оседая на землю, к вечеру смотрятся накопившиеся пушинки где-нибудь у кромки тротуара оброненной фатой сказочной феи. В такие вечера долго светло. Девушки в ситцевых светлых платьях нарядны, неузнаваемы. Вытянут руку, подставляя ладонь под пушинку, а она плавно соскользнет с руки и, не задерживаясь, полетит дальше, то поднимаясь ввысь, то опускаясь до земли.

Спать не хочется. На улице уже пустынно. Свет не включают, так и сидят у окон, смотрят на улицу, на алеющую зарю, едва пробивающуюся сквозь синие тучи, застилающие горизонт. Все окутано фантастическим нездешним нежно-фиолетовым светом. Наступает пора белых ночей и невыразимых желаний...

Серебристая пташечка

Жену положили в больницу. Сижу на кухне, жую хлеб с огурцами. Глянул в окно, а там, на осиновых бревнах, совсем рядом с окном, сидит серебристая пташечка, а в клювике букашек держит. Грудка у неё чёрная, сама серо-серебристая, лишь на крыльях темные и серые полоски. Я аж жевать перестал. Боюсь, чтоб не улетела. Хвостик длинненький, покачивается. Глаза – бисеринки. Поглядывает по сторонам тревожно, удивленно. Я молю Бога, чтоб она посидела подольше. Не улетала. Чтоб я мог полюбоваться ею. Её неброской, но такой душевной красотой. Я хоронюсь за штору, чтоб не спугнуть ее. Она поглядывает на мир, такой солнечный,

такой цветущий. Лето. Тепло. На лугах светятся жёлтые головки пижмы и пенятся нежно-розовые соцветия порезника – горят малиновые бутоны татарника. В огородах дружно цветут подсолнухи.

Пока я тут размечтался да раздумался о лете, где же ты, серебристая пташечка? Всё ещё не улетела. Крылышко отвела в сторону, потянулась. Посмотрела в одну сторону, в другую и пошла по бревнышку. Перепрыгнула на другое, третье, четвертое. Не видно стало. Спряталась где-то. Осиrotел я... Вот она! Выпорхнула из-под бревна. Видно гнездо у ней тут. И пришло успокоение. Теперь я не один буду...

Русь первозданная

Мурбазу устроили на территории Федоровского монастыря, который был построен по указу Ивана Грозного, в честь рождения у него сына Федора рядом с городом.

Переславль-Залесский основал Юрий Долгорукий. Здесь же родился и великий полководец – Александр Невский.

Вот и Красная площадь – вечевая площадь, где переславцы выбирали своих князей в минуты тяжелой опасности, когда надо было защищать свой город от приближающегося врага.

Тут и Петр I вел свои потешные бои на Плещеевом озере, что раскинулось своей светлой ширью около города. Здесь же Петр I построил и свой первый флот. Царский дворец стоит на горе над озером, в окружении высоченных и толстых деревьев – сосен, дубов, кленов, лип и берез. Сверху открывается широкая панорама – вид на озеро Плещеево, которое сейчас взято под охрану государства за свою уникальную чистоту. Глубина его 25 метров на средине, дно песчаное. Много отдыхающих вокруг. Купаются, загорают. Чтобы искупаться надо пройти метров 800, чтобы вода стала по грудь взрослому человеку. Солнце серебрит поверхность вод, легкие кучевые облака плывут неторопливо в безбрежном просторе, точно парусные суда времен Петра I – гордые и независимые. А вокруг озера соборы, колокольни, купола...

Ко всему этому здесь жил и М. М. Пришвин, это в 14 км

от города Переславля – в селе Усолье. До сих пор тут стоит его домик, в котором написаны многие его книги: «Кладовая солнца», «Корабельная чаща» и др.

Рядом протекает, извивается небольшая речушка. Леса смешанные, густые – вот оно пришвинское берендеево царство.

Переславль – это родина и таких известных людей, как академик живописи – Кордовский, художник Константин Коровин и его друг певец Федор Шаляпин. Коровин и Шаляпин проводили время вместе на охоте и на рыбалке в родных местах.

В озеро Плещеево впадает речка Трубеж. Солнышко поблескивает на глади реки, которая прячется среди зелени ив, лодки густо нанизаны на нитку берега. Много мостиков и плотиков, стирают белье, купаются в купальнях как на картинах у Б. Кустодиева.

И вот в просветах между ветвями раскидистых вековых ив что-то засветилось мягким внутренним светом – вот оно озеро Плещеево. На его противоположном берегу стоит загадочно-задумчивый Никитский монастырь. А вокруг деревянные серо-серебристые домики деревень с огородами, болотцами и кустами тальника. Перед стенами стоят молчаливые столетние деревья. Арочный вход открывает вид на внутренний двор с церквушками и куполами разных форм. Тут и шлемо-видные с деревянным покрытием, и крытые железом луковицы и шатровой формы. Во дворе запустение. Всюду битый кирпич, заросли бурьяна, жгучая крапива, репейник-лопух с лиловыми шишебарками, малиново-цветущий татарник, да разноцветное разнотравье.

В храмах сохранились древние росписи. Краски светлые – голубые, белые, охристые, нежно-зеленые – это все краски неба, земли и воды.

Вон работает художник – копирует древнюю роспись, всматриваясь вверх, стараясь понять тонкий колорит древнерусского мастера.

Во дворе еще бродит несколько человек с этюдниками, в поисках мотива. В проемах окон мелькают фигурки ребятишек. Снуют всюду, забираются на самую верхотуру колоколо-

52

лен. Оттуда кажется, видна вся ширь полей и лесов всей русской земли.

Вот она – Русь первозданная!

Долгожданный дождь

*Ж*и ветерка. Солнце печет. Стоит неимоверный зной. Земля высохла, потрескалась. А дождя все нет и нет.

Но вот с утра небо затянули синие тучи. Легкий ветерок едва шевелит листву черемухи. Только наверху, у тополей, слегка раскачиваются ветки. На северо-западе, у самого горизонта, тучи стали еще темнее, запрокидывали молнии. Звук грома чуть слышен.

Смотрю на небо. Птицы летят высоко. Тополь зашумел громче. Ветерок стал резвее. Тучи сгущаются. Гром стал громыхать все громче и ближе. Расколется, чуть ли не над головой – аж присядешь! Пролетело несколько капелек. Упали на землю, свернулись в пыли, как будто их и не было. В ту же секунду крупные капли засверкали все чаще и чаще. Дождик развеселился не на шутку. Стал расходиться все сильнее и основательнее. И пошел ливень. Уже и рубашка прилипла к телу.

Гром грохочет. Сверкает молния. Дождь поливает, как из ведра, полощет да полощет. Такой долгожданный, такой желанный. На дорогах огромные лужи. Потекли пенные ручьи. Зелень сразу ожила, посвежела. Ожила земля – она давно ждала этого дождя, задыхаясь от летнего зноя.

Родная сторона

*В*ремя неумолимо ускользает. Не остановишь. Весна проскочила. Лето давно наступило. А я так и не пишу ничего. То голова побаливает, то простудился, то суставы ломит, то ухо, то горло... То сердце заколет... Да не я один не в себе. Вон мой друг Сергей (токарь-универсал высшего разряда) нет-нет да тоже на больничном.

Поезжали мы из родных мест после школы в поисках лучшей доли, но только наступает отпускная пора, все-таки

неумолимо тянет нас в отчий дом. Зовет вновь и вновь окунуться в то далекое прошлое, в наши детство и юность.

День выдался солнечным, но с резвым прохладным ветерком и легкими облаками. И когда солнце выглядывало из-за ярко-белых облаков, то голову припекало. Решили мы с Сергеем на реку сходить, ельчиков на стреже подергать. Спустились с горки по заросшему травой заулку к речке Баранихе, что течет вдоль всей деревни Ковриги. У Сергея сразу пошли поклевки – он тут каждую ямку знает, вырос здесь. Родительский дом стоял на крутом берегу возле самой реки. Да и отец был первый рыбак в деревне. Сергей выловит две-три рыбки и переходит на другой место вниз по течению, ищет, где рыба пристоялась. Иной раз хороший такой «хрущей» ельчик провернется, серебристый, упругий такой, похожий на веретенка. Так и идет вперемежку: то ельца, то чебачка, то пескаришка выудит. Глядишь, и на добрую уху скоро хватит.

Даже старые-престарые бабки стоят на реке с удочкой. Они не ходят вдоль по Баранихе, а на одном месте удят. И все больше пескариков. «Дак, ково мне и надо-те, – отвечает бабуся, – штук до десятка рыбешек выужу – вот мне и уха готова, вот мне и обед. А вечером разогрею, да еще и поужинаю». И бабушка, поплавав на крючок с наживкой для лучшей поклевки, закидывает удочку вверх по течению и наблюдает, как поплавок прыгает на волнах, приближаясь. Вот поплавок исчез. Рыбачка дергает удилище на себя и вверх – на крючке посверкивает чешуей очередной пескарик.

Я, раздевшись до пояса, прилег на зеленом, упругом травяном коврике. Закинув руки за голову, смотрю на глубокое в промоинах меж облаков небо, где зигзагами мечется полиэтиленовый змей. Двое мальчишек бегают по релке, размахивая руками. А третий – в белой рубашке, лет двенадцати паренек управляет змеем, дергая за нитку и заставляя его проделывать виражи и пируэты.

По лужайке бежит и освещает ее неутомимый солнечный луч. То высветит небольшой табун лошадей, вольно пасущийся на поскотине, то белые стада отдыхающих гусей и уток, спрятавших свои носы под крыло. Видимо, к прохладной погоде. Пока же все выглядит довольно мирно. Только дви-

жется освещенная полоска релки, набегая на жующих жвачку коров, на глухо стрекочущий возле летних загонов трактор «Беларусь» с тележкой. И, скользнув по верхушкам тальниковых зарослей, увлекает за собой мой взгляд все дальше и дальше и скрывается где-то в глубине соснового бора.

Во всем этом близкий иозвучный моей душе мир. Но умиротворение и благость лишь кажущиеся...

В памяти возникают синие утренние сборы на сенокос. Будем свозить на волокушах сено к зародам, сидя на костлявом хребте лошади. Или вдруг ощущишь, как вдыхаешь раскаленный летний воздух, полный ароматами цветов и трав. А то представишь себя летящим на коне в пылающем свете вечерней зари, соревнуясь со сверстниками. А потом спешишь искупать коня и охладиться сам. Помнится, как мы тоже запускали змеев. Только делали их из газеты, а не из пленки, как нынешние мальчишки. Наши змеи летали высоко-высоко, почти скрываясь в поднебесье.

Возвращаясь в родные края, вглядываюсь в то же бездонное небо с лохмато- кудрявыми облаками, на фоне которых мечется неукротимый змей-горыныч. У горизонта кучевые облака громоздятся друг на друге, синеют напряженно.

С того далекого детства мы продолжаем ловить рыбу и купаться в Исети, поим скот и выращиваем овощи на заливных огородах. Потому что безоглядно верили своей стране. А малую свою родину – Исеть или Бараниху – боготворили за чистоту и щедрость, не зная о трагедии речки Течи... О пресловутом «Маяке»...

И куда нам деться теперь от родного края, от своих корней? Здесь наша память обо всем лучшем... Здесь, видимо, нам, нашим детям и внукам придется испытывать на себе эксперимент на выживание, как подопытным кроликам...

Забывшись на мгновение, с прищуром смотрю на быстрое течение речки Баранихи, на ее серебристо-свинцовевые волны на перекатах. Смотрю на грустно-притихшие ивы возле густо-зеленеющих грядок на нижних огородах, с развешанными на изгородях домоткаными радужными половиками. Вижу, как молодая женщина, подоткнув цветастое платье и обнажив свои стройные ноги, вошла в речку возле плотика, начав полоскать белье. Но вот она, словно услышав свое имя,

медленно распрямилась и, приложив ко лбу руку лодочкой, пристально запрглядывалась в даль.

От этого простора и легкого забытья душа наполняется ожиданием чего-то доброго и чистого. Ощущаешь что-то похожее на радость встречи с близким и родным человеком после долгой разлуки...

И так хочется верить, что не было «теченской трагедии», что земля не отравлена... Но, увы, память неистребима. Оттого и грустно... И больно...

Течет вода...

*П*осле жаркого летнего дня, а особенно, если проведешь его на сенокосе, под знойно-палящим солнцем, так и хочется поскорей бежать на реку, заскочить в воду, охладиться и вымыться, избавиться от колючей сенной трухи, смыть пыль и пот, поплавать вволю.

...Вечера стоят теплые. Солнце почти до самого захода ласково припекает. Тихо. Неподвижно сидят редкие рыбаки, все еще надеясь на удачу.

На плотике полощет белье пожилая женщина. Рядом на траве сидит мужчина, попыхивая папироской. Нехотя раздевается, смотрит на свои незагорелые ноги, на которых едва прочитывается слабо-синеватая татуировка – «они устали»...

Кричат недовольные чайки, отчаявшись выловить кое-какую рыбешку.

Волна, с сочным чмоканьем, бьется о плотик, вокруг расходятся золотистые блики.

Мужчина отмахивается от надоедливых мух, поднимается, подтягивая черные трусы, ерошит пятерней голову. Докурив папироску, он берет мочалку с мылом и, осторожно ступая по засохшей комками земле возле берега, не торопясь, заходит в воду; останавливается, смотрит куда-то вдаль. Попривыкнув к воде, бредет дальше, пробует ладонями воду – плещет себе на руки, грудь, на задубелое бронзовое лицо. Сжимается от непривычной прохлады и, потерев зудящуюся спину, окунается в воду по шею; успокаивается и начинает отмывать пропотевшее тело. Долго намыливает голову, трет

мочалкой лицо, шею, туловище; намыливает голову еще раз и, выйдя на берег, положив мочалку, с разбегу, как в детстве, бросается в воду, вытянув руки вперед. От него резко разлетаются брызги, расходятся волны, потом смыкаются... И нет человека: долго-долго его не видно. Жена забеспокоилась, крутит головой, ищет его по всей реке. Он выныривает почти на середине реки и проведя рукой по лицу, освобождает глаза от воды; осматривается и, попривыкнув к новому пространству, начинает резвиться в воде; то поплынет на боку, то на спине, то саженками против течения. Так он переплывает на другой берег, где дно песчаное. Тут играют в ляпки ребята – подростки. Ныряют, кричат, шумно гоняются друг за другом, выбегают на берег и снова падают с разбегу в реку, скрываясь под водой от гляящего.

Мужчина стоит в стороне и отдыхает, любуется на ребятню. И он когда-то был таким же беззаботным. И удачливым... Только вот куда все подевалось? Куда утекло?..

Вечерняя заря мягко алеет: вот и день дрогорел; но вечер стоит торжественный и светлый от высокого и пламенеющего неба.

Солнечные блины

*Б*оздух у воды, настоящий на травах, пахуч и ароматен. Резвый ветерок шевелит камыши. Они плавно раскачиваются из стороны в сторону, словно с кем-то ведут неторопливую беседу.

Стрекозы виснут над поплавком. А которые посмелее, так и вовсе садятся на него, смузкая этим напряженно ждущего поклевки рыбака.

Беззвучно порхают бабочки, не находя себе места. Среди шороха кустов тоскливо попискивают мелкие птахи. Копьевидные листья тальника серебрятся на солнце. Оно по-летнему жарко припекает и любопытно заглядывает в заветную заводь, любуясь собой в зеркальной глади. Чуть покачиваясь на тихой волне, солнечные блинчики разрываются на несколько частей и подмигают друг другу. Или же зацепившись за торчащую из воды задеву – старый высохший куст, покачива-

ются ртутно-искрящимися оладушками, наводя свое зеркало, ослепляют и радуют последним предосенним теплом и светом...

Очищение

Конец лета.

Целый день дождичек моросил перевалами. То затихнет, то опять нагрянет. К вечеру перестал. И я решил поехать на речку – искупаться. Приехал на свое место любимое – «на песок», где дно песчаное и берег с шелковистой травкой. Раздеваясь. Тут и солнышко выглянуло из-за туч. Запригревало. Ласково поглаживает лучами мое болезненное тело. Вода прохладная. Не могу сразу окунуться. Похожу по бережку. Настраиваю себя. Надо бы не только тело очищать, но и душу. О светлом больше думать. А не о плохом. Плохого-то и так в жизни хоть отбавляй...

Смотрю, с севера опять туча надвигается. Чёрная, пречёрная... А на её фоне – столб радуги. Яркие, звонкие краски – розовые, зеленые, желтые, фиолетовые. Так и горят на тёмно-синем. Туча надвигалась на меня неумолимо. А радуга все увеличивалась в размерах и начинала изгибаться над моей головой. Я скорей бросился в воду. Надо окунуться, пока дождя нет. Вода как обожгла. Я выскоцил обратно на берег. Быстрой одеваться. Сам радугой любуюсь.

Запролетали крупные капли дождя. Тороплюсь. Как бы под ливень не попасть. Один раз так под осень прополоскало холодным дождем, что расхворался и, еле выкарабкался из хвори. Погнал на своем велосипедике, как на сказочном коньке-горбунке, а радуга коснулась уже правого берега Исети. Да ко всему очарованию проглянуло солнышко из разрывов тучи. Засверкала убегающая к деревне речка, отливая стальным отливом среди тёмной зелени тальника.

И над всем этим земным миром зависла божественная красота – засветилась разноцветная радуга-дуга. Аж страшно от такой величественной красоты почему-то стало...

Может не готова душа принять это вселенско-космическое зрелище? Может надо быть чистым душою, чтобы вместе...

тить такое очарование. Может это Всевышний очищает мою душу, таким образом, шокируя безумной красотой и вселяя надежду, что надо верить во все прекрасное – в этот праздничный солнечный день с радугой-дугой и радоваться как в детстве, что и над моей головой когда-нибудь раскроется это семицветное счастье... Дай-то Бог!

Вечерняя идиллия

День выдался жаркий. По пыльным улицам время от времени с вихрем пролетал порывистый дерзкий ветер.

К вечеру стихло. Солнышко пригревало. Над Исетью вились мошкарьё. То ли к теплу, то ли к дождю. Вернее – второе. Изумрудная зелень лужайки засветилась сочным цветом. А река – черная, точно мертвая, не видно течения. Как застывшая. Редко, редко плескает хвостом большая рыбина, нарушив тишину и невозмутимый покой затухающего августовского вечера. И поплынут, закачиваются расходящиеся круги свинцовыми блинами вдоль по течению, постепенно расплываясь и истаивая.

И вновь заворожённо смотрятся в глухую зеркальную гладь реки засохшие коряги прибрежных тальниковых зарослей, зеленеющей осоки, побуревшей череды и щемяще-звенящие малиновые метёлки иван-чая.

Дали густо синеют. Над горизонтом грудятся тёмно-синие тучи. Но солнце пытается вырваться из плена, трепещет его тревожно-раскалённая душа, обжигая и расплавляя синеву туч, томительно нежно прощается, утопая в невозмутимом покое горизонта. Колыхнётся солнце золотым слитком на прощание в тихой заводи Исети и исчезнет, но еще долго хранит река на своем челе его отсветы, отраженные небесным куполом, навевая тихую грусть...

Все шире расплывается розовое зарево заката. И надо всем этим летним миром неторопливо кружит коршун.

Одиночество

Вечером пошёл к источнику за минеральной водой. Вышел за деревню – тишь да гладь, да божья благодать. И душа

настраивается на этот ритм созерцательный. Вон удаляются в угол исетской протоки две мужские фигуры с неводом на плечах.

Плавно скользит по пологим холмам полевая дорожка. Набрал я целебной водицы и присел на бугорок. Как магнитом притянула меня земля-матушка. Лежу на спине, раскинув руки в стороны. Солнце, раскаленное добела, полыхает еще, постепенно погружаясь в серую мглистость далей. Надо мною проплывают расхристанные свинцово-лохматые великаны облака. Там, где-то в вольной беспредельности, за гранью неподвластного, живут они – эти небесные монстры. Заполонили они всё видимое и невидимое пространство. Несёт их ветер вселенского беспокойства. И нет им ни конца, ни края...

Спряталось солнышко. Лишь золотятся его последние отблески на синеющих тучах. А я все сижу и сижу одиноко. И нет сил подняться... Будто придавленный тяжестью навалившихся облаков...

Гнев небес

*В*от уже и август на исходе. Почти каждый день продолжаю купаться. Пришел на протоку. Разделился. Только залез в воду, как начали падать крупные капли дождя. Смотрю на небо, а тучка-то совсем маленькая. Не тороплюсь. Потом как громыхнет. Я скорее из воды и одеваюсь. Напугался. Дождик начал почаше колотить пыльную землю. Я на велосипед и домой. Оглянулся, а за мной белым-бело. Плотной стеной закрыло все. Я принажал на педали. Пытаюсь угнать от дождя. Но возле деревни он меня все-таки прихватил. Да таким проливным ливнем обрушился. Хорошо, что я в штурмовке был. Надел капюшон на голову. Гоню, что есть сил. Уже перед самым домом как начало меня градом долбить по голове да по голым рукам. Да густо, густо, как шрапнелью. Иные градины с воробышком яйцо. Жена сильно напугалась, когда начало по окнам долбить. Да еще с ветром. Меня не могла докричаться. А меня дома нет.

В чём мы провинились перед Всеышним? То ветры-ураганы, то ливневые дожди с градом, то морозы среди лета.

Может верить да любить перестали?
Вот Он и гневается...

Прощание с летом

В небе тают легкие облака. Стоят солнечные дни. На заливных лугах уже поднялась новая молодая трава. Даже цветы зацвели вновь! Тем грустнее видеть притихшие, потемневшие стога сена.

Травы, оставшиеся не скошенными возле пожелтевших кустов тальника, поднялись, «выдурили» вровень с кустами. Тут и густые непролазные заросли осота с крапивой, и ярко-малиновый цветущий иван-чай, и темно-бурые метелки конского щавеля, и череда с созревшими плодами – коричневыми прищепками, и лопухи – шишебарки с огромными листьями, под которыми легко укрыться от дождя. Лишь кустится на особицу россыпь цветов ромашки, да все лето светятся в густой траве нежные шарики одуванчиков.

Стада пасутся все большие у самой реки, где трава еще есть, ведь на буграх она уже повысохла, съедена да выбита копытами.

Овод уже не так донимает животных. Они мирно стоят, нажевывая свою жвачку. Легкий ветерок едва рябит воду. По-летнему искрится на волнах полуденное солнце.

Пастух сидит на берегу, смотрит задумчиво перед собой, попыхивая горькой папирской. Рядом с ним стоит неподвижно его лошадь, понуро опустив голову. Изредка помахивая хвостом и отгоняя назойливых мух, она будто бы тоже думает свою лошадиную думу.

Облака клубятся, синеют у горизонта. Лучи солнца опускаются на землю, пробиваясь через облачность, попаременно то высветляют, то погружают в тень деревню с тополями, созревающие хлеба, луга со стогами.

В такие теплые и погожие дни сердце сжимается до боли – ужасно не хочется, чтобы лето уходило...

Дни пошли на убыль

*С*овсем недавно все так буйно и радостно цвело. Стояло знойное лето! С высоким небом и райскими кудрявыми обла

ками. С кусачими паутами, да въедливым мошкарьем, с гнусно-жалящими комарами, да назойливо-наглыми мухами. Враз все изменилось. Почекнела листва деревьев. Скошены цветущие, медово-пахнущие травы. Налетел знобящий ветер. Люди одели свитера. Дни пошли на убыль...

Вечерами падают на Исеть серебристо-молочные туманы. Хотя ещё долго стоит светлынь. Подолгу сижу над рекой. Любуюсь пламенеющими облаками, истаивающим малиново-красным солнцем. Сижу в одиночестве...

Тихо вокруг. Смеркается. Иду домой уже в сумерках. Впереди, как светлячок, мелькает, мотается из стороны в сторону, не находя себе пристанища, чья-то заблудившаяся душа...

Вечер истаял и окунулся в невозмутимо-оглохшую ночь...

Истоки

В один из выходных опять я решил навестить родную деревню.

Вечером пошел побродить по своим заветным местам. Где была наша землянка, все заросло высоченной травой-лебедой, крапивой да шишебарками. Места домов и землянок отмечены или кустом черемухи, или бересой, или тополями. Некоторые тополя уже умирают – высохли. Падают, гниют. Походил по лужайке, где «Переходы» были – «Парничье» и «Девчачье». Ничего не узнать. Все заросло камышом и осокой, кустами ивняка. Дошел я до «Плотины», на «Камешках» побывал. Вода затянута ряской. Не стал купаться. А тепло было. Сад полыхает багряными красками. Березы желтеют. Черемуха – бордовым пламенем охвачена.

Решил пройти по низу лога, где землянки были. Все тут в густых зарослях крапивы. Да стоят одинокие тополя. Тут Гриша Бирюков в землянке жил. Ничто уже не напоминает о жилье...

Когда-то тут кипела жизнь с ее бытом и повседневными страстями. Все быльем поросло... В самом прямом смысле. Продираюсь по этим зарослям и чувствую себя будто скрывающимся от кого-то. Потому что в таких зарослях нога чело-

века не ступала тут не один десяток лет. То попадутся тополя в три обхвата толщиной, то такие дикие заросли черемухи, молодых берез, шиповника, боярки, что кажется попал в настоящий дикий лес. Тут где-то Максим Шуплецов жил со своей Натальей, которая лечила от испуга. Сейчас звери какие-то живут и людей пугают. По всему логу нарыты горы земли и огромные – в диаметре сантиметров до пятидесяти – норы уходят вглубь земли. Что это? Что за зверь поселился в этих непролазных чащах? Жутко стало. «Подальше надо от этого места держаться,» – думаю. Рядом с деревней звери живут. Оглядываюсь по сторонам. С какого бока ожидать нападения. Ретируюсь из этих мест. Куст боярки увидел. Весь в ягодах. Никто тут не ходит, видимо. Не берет их. Поел немного, но с опаской оглядываюсь. Ухожу.

Дальше пролезаю по кустам и крапиве. Вот виднеется бревно нижнего ряда дома. Кажется, Генка Перцев тут жил. Или Егор Дмитриевич Уфимцев. Чугунок поломанный. Колесо от ручной тележки для перевозки сена, дров на себе или другой мелкой клади.

Вылезаю на простор. Кончается бездорожье. Вот натоптанная тропа в дурбетнике. Дорожка на «Кирпичное», за грибами, да за ягодами. Вот опять куст боярки. Но ягод очень мало. Обрано уже.

Хотел еще сходить на другой берег крутого лога, где тоже улица когда-то была, – что в сторону Понькинской дороги. Да уже начало смеркаться. Сквозь кусты и тополя плавилось зарево заходящего солнца. Упłyвают воспоминания из моего разгоряченного фантазиями сознания и памяти детской. Мы тут в болотных зарослях играли с ребятами в шпионов. У Вити Кулакова была собачка, которая по следу помогала найти в зарослях спрятавшегося «шпиона». Болото высыхало за лето. Осенью оно разноцветно преображалось в желто-оранжевые, красные, бордовые, зелено-желтые, охристые, салатные и коричневые тона. Кусты, травы, березки, осинки, растущие в болоте – все звенело золотом, медью, на фоне звонко-голубого неба с белыми кудлатыми облаками – апостолами и ангелами над нами в теплые солнечные дни бабьего лета.

Я сейчас вспоминаю эти моменты в своей жизни, как райское житье в райском окружении осенней природы и счастливее минут я больше не помню за последующие годы. Тогда было мне где-то лет восемь-девять. Самые-самые счастливые годы были в общении с природой, с собачкой и с друзьями. Ничто не омрачало наше детство. Ни плохая одежда, ни однообразная пища – молоко с хлебом и картошкой.

...Вернулся вечером домой. Рассказал маме, как бродил по зарослям, где были наши землянки. И про норы. Она говорит, что там какие-то лесные собаки живут. И курей таскают у хозяина самого крайнего дома, что там остался. Там лесник живет – Казимир Витальевич. Таскают прямо из конюшни. Один раз десять штук утащили. Говорят, что звери... А может и люди. Время-то дикое настало – все тащат...

Утром мама будит меня как всегда: «Вставай, Леня, пора на автобус собираться. Скоро придет.» Выхожу во двор. А утро теплое. И солнце уже высоко. Небо чистое. Легкие перистые облака прогнулись под куполом небесным. Одинокий тополь наш серебрится прозрачными ветками. Под ногами осенние листья – кленовые и черемуховые, тополиные. Листопад... Прощаюсь с маленьким песиком. Мама взяла нового щенка. Цыган ушел умирать сам... Мама потом его нашла в первом лесочке за деревней мертвого...

Грустная пора прощания с отчим домом, с окружающей природой, в которой прошло все детство босоногое да безотцовское... Грустно оставлять одинокие тополя, заросли прошлого...

А мама, как всегда, выходит меня провожать до остановки автобуса и говорит с грустью, напутственно: «Айда с Богом! Сынок...»

Вестник осени

*Ж*апористый, верховой ветер порывами налетает на потемневшую листву тополей. Шумит, беснуется, гнет их тонкие ветки. Отрывает от туч клочки-облака и гонит их неудержимо на юг. Грачам трудно лететь против ветра. Они снижаются почти до самой земли, планируя вдоль улиц и распугивая невозмутимых, занятых едой кур. Петух подает сигнал тревоги. Оповещает округу об опасности гортанно-

тревожным криком. Тень от летящей птицы проскользнет по земле. И снова пустынно на улице.

Остановится в переулке девочка-подросток, прижмет руку к груди, будто ее окликнул кто-то невидимый. Или ожидает чего-то необычного?.. Постоит секунду-другую, поправит тронутые резвым ветром золотистые волосы и пойдет дальше своей дорогой...

Тучи у горизонта начинают сгущаться. Но облака еще не закрывают солнца. Оно продолжает светить. Резко рисует тени на домах и заборах.

Ветер все неистовее рвет и надувает парусами развешанное во дворе белье. И качают головами ярко-желтые подсолнухи, прикрываясь от нахального ветра своими широкими, шершавыми листьями.

Исход лета

*Ж*апахнуло осенней прохладой. Шиповник, боярка, рябина, калина – все разодеты, разнаряжены осенне-красноватым золотом. Листья берёз чуть-чуть тронуты желтизной. Повисли желтые пряди. Неслышно пролетают тенью невидимых птиц опадающие листочки. Падают на глину, которую я копаю для своих свистулек. Листья опускаются в бесшумный на дне оврага ручеек, тихо плывут, заполняя округу частицами драгоценного света и, щемяще, напоминают об исходе лета.

Солнце пригревает мою голову. Поднимешь взор к небу, а березы еще ярче засвятятся желтизной на фоне густой синевы. Привезешь домой разноцветные осенние листья, веточку рябины – кусочек умирающего лета...

Букет всю долгую зиму будет напоминать о течении времени... И о приближении весны.

Отчий дом

*М*еня разбудил вкусный запах свежего домашнего хлеба. Надо вставать. Это мама уже пирогов напекла. Картофных да ягодных. Румяные, пышные калачики уже на столе красуются. Камин топится. Двери из избы открыты. С улицы тянет ся. Камин топится. Двери из избы открыты. С улицы тянет

хи хлеба еще острее и роднее. Мама всегда стряпает, когда я приезжаю к ней. От этого запаха остаются самые нежные, самые добрые воспоминания о родном доме. О маме... О благодати, что она есть... Мама иногда сетует: «Посмотришь в субботу – то у тех, то у других едут сыновья да дочери с ребятишками и в мороз, и в дождь. А тут жду, вот жду... Наstryпаю. Нет никого. Я Пане снесу хлеба. Да Гале пирога или свежего калачика. Чё вы осердились ли чё на меня? Я ягоды не обираю, жду вас. Осталась вон ирга-то только возле окошка, а тут все воробы объели».

Позавтракали молоком с пирогами. Я пошёл обирать игру. Нынче её очень много уродилось. А вот черёмухи совсем нет. Смородина ещё не вся обрана. И малины много.

Обрал ягоды и решил пробежаться до первых лесочек. Грибов посмотреть. Давно на родной сторонке не бывал. Позвал с собой нашу собаку Цыгана, и мы пошли. Возле болотца, что рядом с крайним домом, за деревней, ещё вовсю цветет разнотравье. Поскотина обильно заросла татарником. Ярко-малиновые шишкы красиво цветут. Солнце начинает припекать. Душисто напахнёт цветущими травами и созревающими хлебами.

Захожу в лесок. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву, прячутся на стволах берез белыми зайчиками. Ягоды костяники или вишни светятся огоньками среди зеленых и желтеющих листочков.

...Полыхнет на иной берёзке пожелтевшая прядь листьев и резанет по сердцу осенней грустью. Хоть и далеко ещё до золотой осени, но от увиденных первых «седин» нахлынет такая щемящая тоска ..., напомнит о течении времени... Об уходящем лете...

Лишь у горизонта опять набухли синие обложные облака, в просветах коих плавилось серебро, а лучи солнца звучали струнами арф, навевая тихую мелодию нежно-затухающего лета.

Скоро осень

*Ж*ебо нынешним летом частенько было затянуто облачностью. Дни стояли неуютные, серые. С моросящими, а то и льющими, как из ведра, дождями. Но бывает, ветер разгонит

лохматые тучи, и выглянет ласковое солнышко, порадует редким теплом.

Прикроешь глаза ладонью и наблюдаешь, как плавно и вольно кружит в бездонной высоте коршун, планируя в потоках вольного ветра.

В зеленой ряске небольшого болотца копошатся утят-хлопуны. Они еще не встали на крыло и, заметив опасность, удирают в густые заросли камыша, хлопая крыльями по воде. Выглядят солнце и обрадует своими звучными красками последних полевых цветов. На полянах и возле дорог кишат бело-розовой пеной и тихо покачиваются шапки золотистого порезника. Словно кланяются, прощаюсь, кивают желтыми головками донник и пижма. Возле воды нарядно горят малиновые букеты иван-чая.

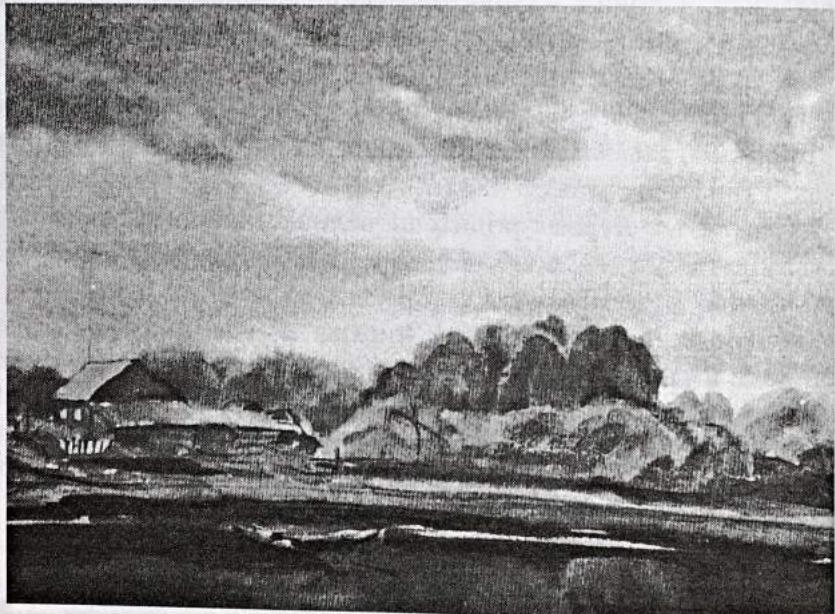
С запоздалым умилением наблюдаешь за бабочкой. Беспокойно, зигзагами летит она над лужайкой, будто что потеряла и никак не может найти.

Кряжистые березы-родители величественно раскачивают ветвями, обсуждая озабоченно и тревожно свои взрослые проблемы.

В этот естественный шум листвы и шелест трав все отчетливее и громче вплетается напряженное тарахтение работающей на полях техники.

Осень не за горами, а с ней и страда.

Был день осенний
Солнечный, прозрачный.
Листва желтела на березках
Поломанных, невзрачных,
И пролетал беззвучно
Надо мною лист
И падал в воду,
Сливаясь с отраженьем ив.

Осень

Дивная пора

Вечереет...

Огромное, раскаленное докрасна солнце скатывается за синевато-дымчатый горизонт. Прощальные лучи ярко золотят лужайку, берег Исети, светлую гладь реки, макушки тальниковых зарослей. Выделяют контур стоящих в воде фигур. Золотистыми струнами вспыхивают удилища рыбаков при замахах. На темной воде сверкают круги – рыба играет, разжигая рыбачий азарт. Ровно-крупные чебаки и ельцы шумно плещутся в садках.

Солнце уходит за далекие леса. Но в природе все продолжает светиться. Стоит прозрачно-звонкая светлынь – короткий миг между светом и тьмою, когда каждая былинка наполнена и пронизана каким-то неземным внутренним свечением. То ли светом голубых высоких небес, то ли легких синеватых облаков, охваченных с одного бока тревожным заревом заката и отраженных еще раз в речной воде, где облака переливаются оранжевыми волнами на перекатах неторопливой реки. Слегка покачиваются темно-зеленые отражения притаившихся кустов. Тем ярче на этом фоне горят позолотой желто-оранжевые пряди листьев, вызванивая мелодию осеннего настроения. Природа словно замерла на миг, увидев в зеркале вод свою увядающую, задумчивую красоту.

Еще бесятся неунывающие и беззаботные стрекозы. Гоняются друг за другом. Бунчат злющие комары, и лезут надоедливые мошки. Светло-охристые стога, похожие на доисторических животных со впалыми боками, разбрелись по вновь зазеленевшему заливному лугу.

Воздух начинает охлаждаться, но еще терпко попахивает последними цветами и травами, разогретыми жарким дневным солнцем. Потянет дымком с нижних огородов, где жгут картофельную ботву. А то вдруг напахнет густым хлебным духом с ближайших полей.

На берегу задумчиво сидит женщина в сером платке, поджидая своих гусей, плывущих вдоль берега.

Желтизна тальниковых кустов и пролетающие парашютики татарника, истаивающий свет – все навевает легкую грусть.

Напоминает о скорой осени. Заставляет ворошить в памяти прошлое. Вспоминать давнее, заветное...

Незаметно пролетает бабье лето – теплое и солнечное. Короткая, но такая дивная пора...

Грустный звон

*М*о ли из соснового бора, а может, с Увалов, где красуются в осенних нарядах солнечно-желтые березы, то ли из дальних каких краев залетела птичка-невеличка в утренний просыпающийся город с тихими улицами, упрятанными в пышные клены.

Торопливо перелетая от дерева к дереву, она внимательно осматривала листву, шустро поскакивала с ветки на ветку, озабоченно копошилась в трещинах коры, выискивая разных вредителей-букашек и червяков-гусениц, что успели попрятаться в укромных местах. Непоседа была почти неразличима. Ее светло-зеленое оперение сливалось с желтизной и зеленью листьев. Черная головка с молочно-белыми наушниками беспокойно поглядывала по сторонам. Найдя добычу, птаха расправлялась с ней и победно при этом попискивала.

Утро было раннее. Сладкий сон еще слипал глаза... Где-то рядом за забором залаяла собака.

Вздрогнула синица и в ту же секунду юркнула под кроны деревьев. Упорхнула – только ее и видели. Лишь задела крылом за веточку с полинявшими листьями. И посыпались они нежно-лимонным дождем на землю...

Еще долго-долго казалось, что грустно звенели кленовые опадающие листочки.

Улетающие дни

*С*утра заподувал прохладный, порывистый ветер. Тучи стали затягивать небо сплошной облачностью. А вскоре и забуяло. И задохнулась душа...

Вот и пришла хмурая и холодная осень. Ветер собирал облетевшие с клёнов и тополей листья и, превращая их в стайку разноцветных птичек, гнал по тротуарам, то поднимая, то

опуская на землю. Или наваливал листья грудой к заборам объёмными ворохами. Как будто это были быстро пролетевшие дни ещё вчера жаркого лета. А теперь никому не нужные, серо-зелёные, пожухлые, истрёпанные, они стали нашим недавним прошлым...

Раньше бывало, только пожилые люди жаловались, что годы летят очень быстро, как месяцы. Что не успеешь оглянуться, а старость уже тут как тут. А теперь и молодые говорят, что деньки их почему-то как сквозь пальцы улетают. Казалось, что вот этот день будет бесконечным; наступает утро, глянь, а уж полдень, а там и вечер скоро. Неужели время потекло быстрее?

Вот и лето проскочило незаметно... Сквозь тяжело-свинцовую серость все-таки пробился робкий лучик солнца и осветил идущую по аллее парочку, заглянул в их беззаботные лица и побежал себе дальше, озаряя светом то окна бетонных домов, то золотистые кроны клёнов, то перекрёсток с автомобилями. Примостившись на крыше одного из них, солнечный зайчик помчался за город, где ещё зеленеют лужайки, где цветут белые ромашки, голубой цикорий и жёлтая пижма. А тучи все сгущаются и сгущаются, сердятся, насупившись. Но и лучи солнца не сдаются, не отступают – выплёскивают в промоины каскады света, обнажая чистоту звонкого неба. К вечеру солнце торжествовало победу, мягко и добродушно пригревало, радуя почти летним теплом.

Нездешний свет

Я все ещё продолжаю записывать этюды о природе. Бывает, будто меня кто подтолкнет, что это надо записать. Не упустить. Будто я выполняю чью-то волю свыше. Вот и сегодня утром меня кто-то подтолкнул...

Беспросветное, серое мглистое небо. Неожиданно всё вокруг засветилось нездешним божественным серебристым сиянием. Свет объединил все увиденное за окном в одно гармоническое целое. Все увиденное за окном стало ёмким, звучным, стереоскопическим и светящимся. Отчего-то задрожала душа... Попчувствовав эту, будто с небес сошедшую возвышенную красо-

ту, я кинулся записывать. Но это был миг. Пока я копошился, всё враз померкло. Стало темно, тревожно. Померкла красота. Всё стало обыденным, скучным. Даже чуть грустным. Домик напротив, кажется, ещё больше пригорюнился, проник к земле, выглядывая из почерневших после заморозков кустов сирени. Низко пролетели грачи в сторону сжатых полей. Тучи ещё больше сгостились и нависли над самыми крышами. Стало темно как вечером.

Несмотря на плохую погоду, напротив моего окна, на зеленеющей лужайке конотопки прохаживалась моя давняя знакомая – серебристая пташечка и покачивала длинным хвостиком, скрашивая мое поникшее настроение.

Знамение

*П*оехал на велосипеде в лес. Поискать грибов или вишни. Нынче урожай на вишню – очень много ягод. День ветреный. Тучи наваливаются валами. Широко раскинулись золотистые поля. По полям движутся красные комбайны. Страна пришла. Жгут солому. И сразу пашут, лемеха плугов зеркально сверкают.

Еду по полевой дорожке между полями, накатанной грязевыми автомобилями. Доехал до первого колочка, свернул в лесок. Пусто. Нет ни грибов, ни ягод. Поехал дальше.

Смотрю – слева над осиновым лесом пробился из тучи солнечный луч и устремился к земле. Будто указывает место. Неужели это знак Всевышний подает, где надо искать грибы. Решил проверить. Сворачиваю влево. Еле пролез с велосипедом по высокой траве да чащобе по бывшей вырубке. Зашел в осиновый лес. И сердце обмерло. Стоит передо мной красная шапочка. Но не из сказки про серого волка. А наяву. Настоящий подосиновик-красноголовик. Я обрадовался. Ножка у него длинная, крепкая, а шапочка небольшая, упруго-тугая. Думаю, что вот сейчас я поберу грибочков. Увы... Обошел весь лесок. Гриб оказался одним единственным на весь колочек.

А про знамение крепко в голове засело. «Надо, – думаю, – ещё левее взять – куда луч света показывал». Пошел даль-

ше. Захожу в молодой берёзовый лесочек. Прозрачный такой, солнечный. Покачиваются тонкие берёзки. Шушукаются между собой, завидев меня. Некоторые уже зазолотились в осенних нарядах. Полыхает ярко-бордовыми листьями чёрёмуха.

Пошел я по лесу. И стал кланяться земле-матушке – разрывать бугорочки в надежде найти сухой грузь. Но так и не попало ни одного.

Нашел одну волнушку розово-рыжую с размыто-акварельными кругами по шляпке. Смотрю – обабок стоит. Подхожу. Нет, это подберезовик. А вон и другой. И третий. Небольшие, крепенькие. А вон ещё. И ещё. Вот оно знамение-то. Не подвел, значит... Слава тебе, Господи! И набрал я тут целое ведро подберезовиков. Хорошо покланялся земле. Но одно понял ещё при этом. Что прежде чем в земле рыться, надо, видимо, посмотреть на небеса, полюбоваться тем, что тебя окружает. От этого радость найденным грибам, да ягодам во сто крат увеличивается. И славу Господу вознести...

Перешёл в другой колочек. Рядом. Смотрю – на опушке вишненник растет. И висят наливные, бордовые, крупные ягодки. Где и по две, но больше по одной. Спелые, сочно-упругие. Бывает, что попадет, где небрано. Поберёшь с удовольствием. Ягоды уже переспевают. Набрал пятилитровое пластмассовое ведерко. Довольный.

Рядом два куста боярки. На одном ягода желто-восковая, а на другом красная, уже подсыхать начинает. Побрал той и другой. Посидел на сваленной ветром осине. Отдохнул. И отправился в обратную дорогу. Домой. Умиротворенный.

Ангел-хранитель

*Н*ачало сентября. Решил в лес съездить. Тепло. Солнце пригревает, как летом. Но дорога очень грязная. Велосипед в руках приходится вести. Вот и лесочек. Какое чудесное местечко! Светлое, чистое. Поел поспевшей боярки, грибов не видно никаких. Пусто. Спустился в овраг, накопал глины. Сел отдохнуть. Подлетает ко мне бабочка. Точно такая, про которую у меня несколько рассказов написано. Чья-то душа все за мной следит... Или оберегает, как ангел-хранитель...

Бабочка села на колесо. Я замер. Она крылышками похлопала и перелетела на руль. Я дивлюсь и недоумеваю – к чему бы это?

Села на колесо, затем на руль, а я направлялся домой ехать. Может, просила не торопиться. Побыть на природе. Полюбоваться. А бабочка уже на цветок перелетела, посидела несколько секунд там и летит обратно. И садится мне на плечо. Хлоп-хлоп крылышками и подползает чуть не к самому уху, будто знает, что я плохо слышу.

И вдруг почудилось мне, что я слышу ее голос: «Не торопись, касатик. Солнце еще высоко. Отдохни. Посиди со мною... Когда еще выберешься сюда. Может последние теплые деньки стоят. А сегодня вон какая благодать!»

Глянул я на березки. Листья почти не колышутся, тепло, солнечно. Точно лето пришло опять. Только это лето бабым зовется. Сижу, не шелохнусь. Боюсь, что бабочка улетит. Но непроизвольно вздохнулось что-то тяжко...

Вспорхнула бабочка и опять на цветок села. Снял я штормовку, расстелил на траве. Прилег. Жду бабочку. Она как будто ждала приглашения. Опять летит ко мне. И села прямо на руку. Чтобы я рассмотрел ее поближе. Полюбовался ею. Не дышу... Туловище серенькое, головка с усиками-антеннами и хоботок длинный. Крылья оранжевые с белыми и черными пятнышками, а контур темный с голубовато-перламутровым узором.

Бабочка то улетала на цветок, то опять прилетала ко мне. Долго мы с ней беседовали в этом райском уголке и любовались увядющим летом. Взгляд останавливался то на ярко освещенных стволах берёз, то уходил вглубь леса, где желтеют мелкие кустики, то улетал в поднебесную синь, где между просветами листьев звенели витражные осколки неба. То переходил на лужайку в пойме Исети, где чернели копны сена, то перебегал на черно-зеркальную гладь реки с одиноким рыбачком в лодке, то останавливался на прибрежной зелени с вольно пасущимся стадом коров. Все тут казалось таким безмятежным, таким уютным, таким прекрасным, таким божественным, таким далеким от повседневных тревог и напастей, что не хотелось покидать это место. И быть тут вечно...

Так вот почему бабочка остановила меня, чтобы я отдохнул, помечтал, пофантазировал, чтобы снял ту душевную боль, тот тяжкий груз, что давит и давит, и не дает свободно вздохнуть...

На какие-то минуты стало легко-легко. Душа очистилась. Захотелось окунуться в речке, искупаться в такой теплый солнечный день. Я воспользовался этой свободой, так как бабочка улетела куда-то.

Побежал к реке. Разделяя, захожу в воду – как обожгло. Спину пригревает солнце. Забредаю дальше и окунуюсь. Как приятно бодрит вода. Ещё раз. И ещё! Хорошо! Выхожу на берег. Одеваюсь и бегу обратно. Где ты, моя бабочка! Подхожу к велосипеду, а она уже поджидает меня, сидит на кепке, что на руль повешена. Потеряла меня, небось? Вот он я.

Захотелось и дальше жить. Будто очистился от всякого внутреннего мусора. А бабочка перелетела уже на переднее колесо, потом села на сиденье. «Что, ехать пора? – спрашиваю я её, – но я ещё хочу посидеть тут. С тобою... Как тут чудно!»

Коровы уже пытались обходить пешего пастуха, направлялись к дому. Другой пастух – верхом на лошади – не давал им проходу. В это время к бабочке прилетели её подружки, посидели, кто на руле, кто на сиденьи, посудачили о чём-то своем и, долго не задерживаясь, полетели дальше.

Я попрощался с бабочкой: «Что ж, лети, догоняй подружек! И она, точно спохватившись, полетела вслед за ними.

– До свидания! – слышалось мне. – Может быть судьба сведет ещё!

Солнце скатывалось к горизонту. Я встал и водрузил вешмешок с глиной на спину. Словно опять навалились на мою душу все бывшие ранее тяжести...

Грибная охота

Приехал я к маме картошку копать. А у неё в гостях её младшая сестра Валя из Асбеста. Не стали меня ждать. Выкопали, пока дождя нет. Бабье лето наступило. Тепло, сухо. Солнечно. В лес так и тянет.

Грибов поискать, да ягод побрать шиповника да боярки. Они с Валей накануне оббежали знакомые места. Валя набрала ведерко шиповника и уехала. Пошли мы с мамой по понькинской дороге, свернули в колочек. Нет ничего. Мы обратно. Пересекли дорогу и зашли в другой лесочек. Да спустились по угору к тому месту, где наш дядя Ваня из Свердловска, отдыхал на полянке. Ходили мы как-то раз с ним и с тёти Тасей по этим с детства знакомым местам. Тоже грибы искали. Дядя Ваня фронтовик, уж на восьмой десяток перевалило. В Великую Отечественную ему пришлось почти всю Европу пешком пропатать. Он связистом был. Связь устанавливал, таскал катушку с проводом на передний край. Чудом остался жив. Только голова стала белая-белая...

Он больше с удочкой любит на бережке посидеть, да гольянов подёргать. А тут с нами пошёл. Притомился. Устал. Ну и прилег на шелковистую траву-мураву. Развалыхнулся на обе лопатки, наслаждается чистым воздухом и золотистым пламенем осенних берёз на фоне изумрудной и беспредельной вечности. Улетели мысли от бренного мира в космические дали...

Тётя Тася подошла, ворчит на него, что грибы перестал искать. А он улыбается добродушно и отвечает: «Да я уж нашел их. Вот они – подо мной.» Тётя Тася откатила его как полено в сторону и давай ощупывать мягкую травку. И как обрадуется, да засмеется громко: «Ну ты, Ваня, у меня молодец какой! Валяйся ещё больше. Повсюду. Может ещё под тобой грибы нарастут! А мы будем их собирать».

Долго смеялись, довольные. И наискоса там тётя Тася до десятка молоденьких да крепеньких сухих груздочков. Мы с мамой теперь каждый раз заходим на это место, где дядя Ваня отдыхал на грибах. Там всегда нам попадаются сухие грудзи.

В этот раз мало нашли. Ходили, ходили, еле пятилитровое ведерко набрали вдвоем. Они с Валей недавно тут были.

В лесу такое чудо. Шуршит под ногами сухая листва. Солнце играет, переливается на желтых, зеленовато-лимонных, охристых, красноватых, малиновых и бордовых листьях. Много ягод боярки и шиповника. Вишенья уже нет. Его ещё впраздень обирают, когда чуть-чуть порозовеет один бочок.

Бывает попадаются редкие ягодки вишенки – спело-черные, винно-сладкие, сочные. Мама рассказывает, что они с Валей баню истопили после уборки картошки. Но Валя не пошла. «Что ли я на корячках в вашу баню заползать-то буду?» И смеётся. «Вон я какая туша. Низкие и узкие двери-то. Да и не повернемся в бане-то. И в рост не встать. И как вы в ней только моетесь? Нет, не пойду. Дотерплю до Асбеста. Дома вымоюсь в ванной. Отмокну. Отпарюсь.»

А мы с мамой и тёtkой Прасковьей ничего, моемся. Согнемся, сгорбатимся и протиснемся в двери. А в бане можно и сидя на лавочке мыться, не вставать во весь рост. Даже попариться другой раз потянет. Хороший дух, вольный в такой бане. Потому что каменка из кирпича сложена. А не из железа сварена – пока топится тепло, а прогорит и не попаришься. Опять надо подбрасывать дров.

А эта выстоится, и заходи парься. Хорошо разопреваешь с берёзовым веничиком. Всю усталость после работы снимает.

Мама опять баню затопила, а я пошел к ручью, к роднику, где решил глину на пробу взять. Бело-серая такая. Попробовать обжечь – какая потом по цвету будет. Кругом все красно-жгущиеся глины попадают. В последнее время я мало рисую красками. Керамикой увлекся и рассказами о природе. Да вот грибная охота настала. Тоже своего рода почти нестерпимая страсть. Источник радости. На природе побывать – это ли не прелесть, особенно осенью. Тут и грусть, и очарование, все вместе. Так и тянет в лес. Сухих груздочков поискать. Или других каких. И ягод побрать. И, конечно, полюбоваться и наполниться духом щемяще-увядающей красоты...

Светло в лесу

Проехал по проселочной дороге на велосипеде до первых лесочков. Нашел несколько обабков. На жареху хватит. Больше не попало. Зато вишенья полное пятилитровое пластмассовое ведерко набрал. С такой радостью и удовольствием побрал ягоды. В лесу такая благодать! Забываются все неурядицы. Тихо, солнечно. Уютно. Свет от белых стволов берёз и от желтой листвы все освещает вокруг и окрашивает в теплые, задушевные тона.

Ягоды вишни просвечивают, горят рубиновыми огоньками, висят драгоценными капельками. Даже не хочется из лесу уходить. Так бы остался тут и жил бы себе среди этой щемящей красоты...

Утраченная краса

Дивная выдалась осень. Сухая, теплая да нарядная. Давно такой не было.

В лесу тишина. Полыхают желтым пламенем нарядно-торжественные березы.

Золотые пряди тревожно перезваниваются, загораясь в лучах последнего, уже не греющего солнца. Но светит оно еще ярко, озаряя величавый лесной мир. Порой будто полыхнет огнем-пожарищем, да опять потухнет листва – знать, наблюдала на солнце серая туча.

...А лесорубы ходят возле берез, вертят головами, откуда бы получше начать. Взревели бензопилы, огласив лес, гулким самодовольным воем. Поплыл по лесу горько-смрадный, перехвативший дыхание, вонючий бензиновый дым.

Зашелестели опасливо листья. С шумным оханьем повалились на землю спиленные красавицы березы, перехлестывая вершинами одна другую.

А лесорубы, знай, валят и валят, не переставая... Потом они с аппетитом пообедали, довольно поглядывая на большую кучу свеженарубленных дров, и укатили на темно-синих «Жигулях», оставив после себя сизое облако дыма.

Начал покрапывать мелкий дождичек. Лес приуныл. Похоже, природа скорбела по утраченной красоте.

Холодный ветер

Неустойчива осенняя погода. На миг выглядывает и снова закроется тучами усталое солнце. Тучи будто и не идут вовсе, а остановились, обложили все небо; не видать им ни конца и ни края. Пробьется луч света, выхватит опавшие свернувшиеся, шумно-хрустящие под ногой разноцветные листья, что рассыпаны возле стволов облетевших кленов.

А то вдруг задует, задует, налетит порывистый холодный ветер; замечется, зашумит, начнет раскачивать да пригибать ветви деревьев, срывать оставшиеся пожелтевшие листья. То полетит по одной улице, то по другой, пытаясь вырваться из каменных кварталов города на простор осенних полей, на волю вольную, где птицы собираются в стаи и готовятся к отлету. Или налетит на спешащих по делам прохожих, разлохматит прическу белокурой девушки, поднимет в воздух жестко-секущий песок и помчится догонять грузовик с надписью «уборочная», выбирайсь из лабиринтов улиц, увлекая за собой желто-охристые и блекло-зеленые листья, точно стаю неведомых птиц.

Нет худа без добра

Сентябрь начался неделей проливных дождей. И похолодало. Приходится печку подтапливать. Солнца не видно. Дождь продолжает полоскать развешанное во дворе бельё.

Никуда не вылезешь из дома в такую погоду. Грязь непролазная. А дождь все льёт и льёт, не переставая. Я только успевала в колодец за водой сбегать, когда дождик чуть поутихнет. Да в магазин – за хлебом.

Но нет, видимо, худа без добра. Зато хорошо поработалось. Почти половину новой книжки написал. Дождь заставил сидеть дома.

А к вечеру проглянул лучик солнца. И засверкало всё как в сказке. Дал Всевышний глоток благодати. Чтоб не разуврились мы в светлом его начале. Чтоб была надежда...

И осветило солнышко фигурки красочно расписанной керамики в моей мастерской. Ярко загорели все краски радуги. И стала уходить тяжесть с души. И вздохнулось глубоко и свободно.

Скользящий солнца луч

После длительного ненастя с нескончаемыми проливными дождями, наконец-то, пробился сквозь хмурые облака солнечный луч и засветил осенние деревья. Языками пламени затрепетали на ветру оранжевые да багряные листья.

Только я устроился с этюдником и начал писать мотив с дальними далями, как налетел порывистый ветер. Враз покрепели тучи. Полетели «белые мухи». Померкло осеннее золото.

Ветер не унимался. Все гнал и гнал темную тучу, разрывая ее на части. Нехотя, с великим трудом, но стали уползать тяжелые облака. В разводах между ними показалась звенящая голубизна высокого неба. Снова радостно забилось сердце. Снова заполыхали своими нарядами освещенные деревья. Заскользил по земле солнечный луч, убегая все дальше и дальше на вспаханные, ультрамариновые поля с почерневшими от затяжных дождей стогами. Туда, где светятся свежезеленые озими, полыхают оранжевые перелески.

Скроется из виду солнечный луч – вновь померкнет округа. Но человеческая память еще долго будет хранить тот жаркий свет осенней красоты. Затаится в душе грустная надежда...

Грусть

*П*ерекапываем в конце октября с мамой землю в огороде. Вскопали несколько грядок. Пошли попилили дровишки-сушняку, чтоб по осени топить печку. Я расколол.

Отвязал щенка Барсика, и мы пошли с ним к моему месту рождения – к землянкам. Коих нет уже в помине, но в детстве это был целый край. И все землянки были по угарам вырыты. Где я родился и жил с мамой. Землянки и огороды располагались возле логов, заросших ивняком, шиповником, молодыми берёzkами и обильным разнотравьем. Мы тут с ребятами устраивали игры по осени, в золотистых зарослях, когда вода в логах высыхала.

Теперь тут землянок нет, а на их месте стоит дурбень выше человеческого роста – крапива, лебеда, репейники-шишебарки. Как лес густой, не пройти сквозь эти заросли. Да грустит одинокая берёза... Постоял, задумавшись. ...Тополь уже высох. Погиб или умер. Не знаю, как выразиться. Ветром вершину сломало. Мы с мамой испилили её на дрова.

Мы пошли с Барсиком дальше. К месту, где я взрос, к

месту, где жила наша баба Дуня с дедом Семеном. Одни сиротливые кусты остались – яблонька, превратившаяся в дичок, черёмуха, ирга да сирень, где был палисадничек.

Опадают желтые да бардовые листья. Уносит их ветер. Так дни и годы уносит время, вся жизнь улетает в прошлое...

Грустно. И одиноко. Полвека с того времени минуло... А когда сегодня копали с мамой землю в огороде, мама говорит: «Вот умру если нонче, то кто садить-то тут будет? Может зря перекапываем?»

И так больно сердце сжалось...

Расставание

*З*ажелтели березы. Будто девушки не торопясь, вышагивают-плывут в своих празднично-нарядных сарафанах. Водят хороводы. Радуются последним теплым лучам солнца. А поет ветерок – сбегутся они в тесный круг и зашепчутся о сокровенном. Засмеются негромко и, дурачась, начнут рассыпать по округе золотой дождь.

Солнце ласково пригревает. Играют, прыгают солнечные зайчики, на белоснежных с голубизной стволах, прячутся в кроне берез. Редкие листочки задумчиво кружатся. Устилают пожухлую траву цветастым полушалком...

Привольно бродить в местах, где ты давно не был, где каждый куст и каждое дерево знакомо с детства. Так чудесно и светло в березовом колке осенней порой. И забывается плохое... Но все-таки грустно на душе. Может оттого, что на горизонте синеют тучи. Или оттого, что пришла пора подводить итоги прожитой жизни. А может, от скорого расставания с родной стороной...

Перед отлетом

*Ж*еугомонный ветер пронесет тяжелые тучи. И небо очистится, засияет осенней синевой с напряженно клубящимися у горизонта облаками, на фоне которых станут заметны парящие в вышине птицы.

...Домашние раскормленные гуси, завидев вольно летящих

в голубом просторе собратьев своих, тоже поднимутся на крыло с бугра при сильном встречном ветре и, громко гогота, летят в сторону руки. Едва долетев, снижаются, скользят по воде, выставив вперед красные перепончатые лапы. На воде они еще долго размахивают крыльями, громко гоготают и вытягивают шеи. Еле утомившись, прихорашиваются, поправляют перышки, гордые и довольные собой.

...Перед отлетом грачи собираются в стаи, кружат над побуревшей землей, над высокими, прозрачно-облетеившими тополями и потемневшими от частых дождей домами. Громко и отрывисто раздаются частые команды, требующие подняться на необходимую высоту или не отставать от всех, перестроиться из колонны в шеренгу или наоборот. Основная масса птиц тщательно пытается исполнить все требования: то падают в стремительном пике и, почти перед самой землей снова вздымают вверх, то поднимутся высоко-высоко. И станут едва заметными точками. А то полетят против резкого упрямого ветра, снижаясь до самой земли и чуть не задевая крыльями траву. То садятся на старые тополя или за деревней на поскотину. Отдохнут и снова по команде взлетают. То снова садятся. Видимо, кто-то не выполнил команду. И опять поднимаются разом. Так целый день, бывает, идут неумолимые тренировки в освоении команд и фигур «высшего пилотажа».

Так постепенно, день за днем, взрослые птицы обучаются летать новое поколение в едином строю. А со временем собираются они в большие стаи, чтобы всем вместе, а не по одному, преодолевать невзгоды и длинные расстояния на пути в заманчиво-сказочные теплые дальние страны.

Пасмурные дни

Дождь начал лить в субботу вечером. Шел всю ночь и все утро. К полудню постепенно затих. В это затишье я и решился на речку сходить. Посмотреть, как там на природе. Вдохнуть вольного ветра, а может и порыбачить, если повезет.

Земля напиталась влагой, раскисла. Грязь стоит непролазная. Рано темнеет. Едва доберешься после работы до дому.

Бредешь, только брызги по сторонам булькают, да чмоканье вытягиваемых из грязи сапог слышится. Ноги разъезжаются в стороны, скользят по неровной дороге.

Чтоб отвлечься от неприятных дум и немножко взбодриться, развеяться, набраться новых сил, беру удочки, зову с собой собаку Динку, и мы отправляемся на реку.

...Вот она наша речка Исеть, текущая в осенних ржаво-желтых зарослях ивняка. Разлилась по поскотине-то как! Воды-то, воды! Порой и веснами бывает меньше. Какая ширь! А ветер холодный, налетает порывами. Облака серые, тяжелые, у горизонта темно-синие. Не плывут, а кажется, наваливаются, готовые все светлое и звучное раздавить, все смести, неугодное им... Время почти остановилось... Волны бегут, сверкая стальным отливом.

Закинул удочку, жду поклевки. Клевा совсем не видно. Поднимешь удилище, а рыбка уж на крючке сидит, не упирается и не трепыхается в воздухе, не серебрится, — висит как мертвая...

Динка почему-то не бегает по релке, не розвивается, как весной, не радуется простору и свободе. Вдруг вовсе куда-то исчезла. И я не рад своим редким чебачишкам. Померз, по-прыгал у реки часа два. Думаю: «Хватит рыбачить, надо собираться домой, пока не околел совсем».

В холодный пасмурный день, видно, и простор не радует, не утешает... А придешь домой, согреешься, отмякнешь и все равно с благодарностью вспоминаешь проведенное на воле время...

Сглаз что ли?

Всё лето купался в Исети. И дальше решил не бросать, пока река не застынет. Уже лед был, но в одном месте на протоке стрежно — там не застывало. Я там уже несколько раз искупался.

Встречает, раз меня один знакомый мужик по дороге на реку и говорит: «Ты чё это, Лёха, не купаться ли пошёл?» Я опешил. Потому как никому не рассказывал про купание. Еле выдавил из себя: «Да». «Ну это ты зря. Зачем это?». «Решил

закаливаться. Чтоб не болеть, чтоб здоровым быть», – нехотя отвечаю я.

«Ты лучше кусок мяса съешь. И не замерзнешь никогда. Я вот не простила никого. Да если ещё вмажешь», – щелкает он себя по горлу.

И, действительно, глядя на его круглолицую и красную физиономию, позавидуешь его цветущему и неунывающему виду. Здоровый человек. Может всё зависит от Господа... Кому-то он дает здоровье, а кому-то нет...

Пришёл я на своё место. Полынья на стремнине не засыпавшая. Но что-то останавливало меня. Не хотелось лезть в ледяную воду после такого разговора. Что-то меня в жар бросило. Я покрылся испариной. Но всё-таки пересилил себя и, раздевшись, полез в воду. Выскочил в ту же секунду как ошпаренный. Обычно после купанья становилось тепло. Но в этот раз тело не разгоралось от внутренней энергии. Пришёл домой и не могу согреться. И заболел... Промаялся два месяца. Еле выкарабкался к Новому году. Похудел на 15 килограмм. То ли сглаз? То ли что? Не пойму.

Чья-то душа

Я больше люблю природу, чем завод, на котором мне приходится сталкиваться с неодушевлёнными предметами, будь то металл или бумага. В природе же всё движется, всё интересно, всё живое – деревья и цветы покачиваются, словно разговаривают между собой. Листочки шепчутся о самом сокровенном.

В нашем отделе осенью бабочка появилась. Прихожу на работу, а бабочка все там же сидит – на оконной перекладине и поглядывает на улицу. Окна у нас большие – чуть ли не во всю стену – от потолка до пола, чтоб конструкторам чертить светлее было. Как выглядят из-за туч красное солнышко, бабочка заволнуется, начнет биться о стекло, за которым уж и не такой прекрасный пейзаж, а всё-таки воля.

Панорама города словно вливается в наши огромные окна – порой покажется, что отдел словно бабочка парит над городским пейзажем с его серыми пятиэтажками – «хрущеба-

ми», а возле самого завода – зелено-грязными двухэтажными домами густо обсаженными клёнами да затянутые гаражным поясом.

Смотрит бабочка из окна на этот урбанистический пейзаж с беседкой, выкрашенной суриком, в которой почему-то никто и никогда не сидит – ни днём, ни вечером – ни мал, ни стар. Эта беседка стоит между зелёными домиками, ничья – ни тех, ни этих. По улице Октябрьской пылят и пыхтят автомобили.

Посидит, посидит бабочка без движения, посмотрит на безжизненные одинаковые окна пятиэтажек, на телевизоры, густо ощетинившиеся на крыше, на летающих голубей, на грачей, собирающихся в стаи. Долго сидит бабочка без движения. Не умерла ли? А может, задремала?

Небо всё сплошь затянуто серой равнодушной облачностью. Поэтому темновато и тянет в сон. Ветви клёнов за окном еле-еле колышутся. Но выглядят солнышко, начнет пригревать, тут и оживёт бабочка. Забеспокоится, начнет перелетать снова от окна к окну, за которым шуршит в листве ветер, срывая пожелтевшие листочки. Уносит их стайками или по одиночке, словно перелетают через дорогу у самых колёс автомобиля яркие птички. И бабочек, видимо, хочется полететь за ними. Или сливвшись оранжевыми крыльишками с пожелтевшими прядями клёнов, слушать негромкое позванивание золотистых листочек. Но не может преодолеть она застеклённой преграды. И форточка закрыта. И люди почему-то равнодушны к её стремлениям. Они сидят, у каждого свой стол, уткнулись в бумаги. То ли дремлют, то ли работают. Заняты очень серьёзными делами, не досуг им отвлекаться.

А бабочка летает, мечется...

Скоро уж холода наступят – на дворе октябрь. Бывает и «белые мухи» пролетают. Но она всё равно рвется на волю.

Прошёл день. Прошла ночь. Люди снова пришли на работу. Уселись на свои стулья, уткнулись в свои чертежи. Я тоже разложил чистые листы. Смотрю – летит ко мне бабочка и, покружившись, садится на белый чертёжный лист. И легонько так то закроет крыльшки, то откроет. От их оранжевого огненного жара у меня дух перехватило. Сижу, боюсь ды

шать. Но не смог долго выдержать, пошевелился все-таки. И бабочка улетела. Минуты через две-три – смотрю, снова летит ко мне бабочка. Я замер. Она опять покружилась, раздумывая: то ли ей на бумагу присесть, то ли на кончик карандаша, который я держу в руке. Но что-то её удержало от этого решения. Она, видимо, другое придумала. Села мне прямо на лоб. Я от неожиданности аж вздрогнул. И, конечно, вспугнул бабочку. Больше она не прилетала ни разу за весь рабочий день. Долго я сидел под этим впечатлением. Что это за знак божественный был? А может, это Бог послал её... Когда она первый раз прилетела и села на белый лист, это было как озарение. Мир стал ярче, красочнее и светлее. Любуйся, созерцай взволнованно и замирай перед чудом космического создания. Второй раз она хотела сесть на кончик карандаша – тут было ясно одно: «Успей запомнить и сотворить не менее прекрасную картину, чем сама жизнь». Ну а третий раз прилетела бабочка да примостилась прямо на лоб – в этом, видимо, самый волшебный знак. Это БОГ-ТВОРЕЦ прикоснулся, благословил на добрые дела и мысли: «Думай и твори красоту земную по образу и подобию небесной». Вот такие мысли ещё долго не покидали меня. Мне остается только поблагодарить Всевышнего за его столь чуткое ко мне внимание.

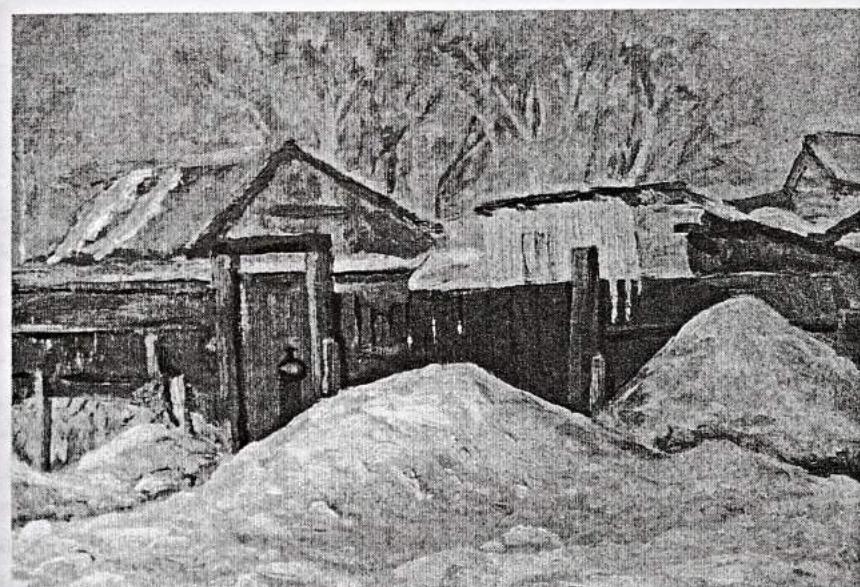
Слава тебе, Господи!

Словно проснувшись, одна чертёжница-пенсионерка увидала бабочку на окне и стала её ловить. Еле поймала. И выкинула в открытую форточку. После чего как-то брезгливо отряхнула ладони и вытерла их.

А через час на том же самом месте опять билась о стекло другая, а может прежняя, бабочка.

А может чья-то душа...

Утро светится лазурью,
Розовеют облака.
Город спит.
Зима глазурью
Покрывает все и вся.
Бризование и искрятся
Густо-сизые снега!
Все смелее и заметней
Солнца брызги тут и там!

Зима

Пришла зима

Как-то возвращаюсь с работы холодным осенним вечером, я заметил на застывшей земле бабочку. Осторожно взял ее, положил на ладонь. Коричневато-кирпичного цвета крылья с темными и белыми пятнышками не двигались. Тихонько сомкнув пальцы, чтобы не помять эти хрупкие крылышки, я опустил руку в карман пальто и зашагал быстрее. Прихожу домой, с нетерпением раскрываю ладонь – бабочка лежит все в том же положении и не подает никаких признаков жизни. Я положил ее на табурет. Поставил его рядом с печкой.

Поужинав, накормил кошку и устроился возле печки с книгой. Тут вспомнил: «А где же бабочка?» Стал искать. Ее нигде не было. Заглянул под каждое полено возле печки – нет бабочки. Подумал, может, кошка съела, пока я ужинал.

Сижу, читаю. Смотрю, Муся принюхивается к полу. Будто мышку почуяла. Оттащил Мусю в сторону, отвернулся пологий. Так вот она где, беглянка! Ожила!

Бабочка уже шевелила усиками-антеннами. Крылья лежали на полу. Сама едва-едва передвигалась на боку. Поднял ее и решил положить на ночь в книжный шкаф, за стекло, чтобы Муся не съела.

Утром встаю, первым делом сразу к шкафу. Туда-сюда. Не видно бабочки. Куда подевалась? Отодвинул стекло, вытащил несколько книг с одной стороны. Потом с другой. Вот она! В угол забилась. Достаю, посадил на ладонь. Бабочка пошла по руке, неслышно вспорхнула и полетела. Штора у одного окна была открыта. Оттуда проникал в комнату мягкий утренний свет. Бабочка и устремилась на этот свет. Тихонько подхожу туда. Глянул в окно, а там белым-бело.

Зима пришла! Вся земля укутана пуховым платком. Солнышко озарило синеву первого снега, он запереливался разноцветными искорками.

А бабочка сидит на оконной раме и тоже удивляется этому чисто-нежному первому снегу. Часто так шевелит крыльями, будто хлопает в ладоши от радости. Раскроет крылышки, а узоры на них просвечивают горя, словно на витраже.

Снежок

Удет крупный, пушистый снежок. Летит обильно, густо, с легким наклоном. Ветер с юга сегодня. Снег то повалит густой стеной, заштриховывая белыми линиями серо-бетонные здания «хрущеб», что напротив моего окна на работе. А то, будто одумавшись, приостановится и, наслаждаясь своим плавным величественным парением, спускается с небес важно и неторопливо. Любуйся – не налюбуешься. Пушистые крупные снежинки плавно проплывают. Очаровывают своим искусством танца крохотные милые танцовщицы. А то опять повалит снег густо, густо и отвесно по вертикали, словно этот рой снега высыпан на землю из какой-то ёмкости, чтобы укрыть её как можно быстрее своим пушистым теплым пледом.

...То налетит порывистый ветер, опять начиная заштриховать нашу прошлую, начерно прожитую жизнь...

Волшебные минуты

Как редки стали у меня волшебные минуты, когда окружающий мир является передо мной словно по мановению волшебной палочки, во всей значимости и красоте. Когда дух захватывает. Когда мысли бегут ясно, чисто. Тут бы надо брать холст и писать картину! Ведь это прозрение! Ведь это дар Божий – Его Благодать снисходит! За муки долгие в неведении, в немоте и слепоте беспросветных, повседневных будней быта...

Не упусти же момента!

Работай в поте лица своего. И тебе воздастся!

О, как мимолётно бывает это прозрение... Проходит час, другой и прекрасное видение снова куда-то уплывает, испаряется. Прозрение затягивается шарами повседневности, земными заботами и печалями... И окруживает голову тупость и глупость, и пропадает творческий жар в душе...

...Походил я, побегал возле окон, повыглядывал на улицу. Да на этом всё дело и закончилось. Там нежная, легкая, чуть подсвеченная солнцем лирическая зимка со светлыми и чистыми снегами, а на душе у меня пасмурно от тягот жизни...

Нет соответствия. Вот и не вдохновился. И всё моё прозрение вспыхнуло малой свечечкой... И погасло...

Первый снег

*П*ервый снег – это всегда праздник. То ли от торжественного света, идущего из окон, то ли от синевы чистого снега. То ли от сбывающегося томительного ожидания этой светлой нежности.

Перед окном на бельевой веревке покачиваются, словно на качелях, нахохлившиеся воробышки. Время от времени они склевывают пушистые снежинки.

Снег не тронут. Лишь цепочка следов пересекла двор – это Динка, соседская собачка, приюхивается к свежему снегу да поглядывает на воровато поскакивающих белобоких сорок.

Молодая женщина вынесла на улицу цветные домотканые половики и расстелила их на чистом снегу. Одета в мужскую шапку и мужские зимние сапоги. Наряд довольно забавный, почти клоунский. Праздничное настроение еще больше от этого усиливается. Легкий дымок вьется из печных труб. Тихо. Небо кое-где перечеркнуто перистыми облаками. Солнце легко просвечивает сквозь них. Мягко освещает этот целомудренный первый снег.

Первоклашки группами и в одиночку идут в школу. Ярко горят их нарядные банты в туго заплетенных косичках.

Первый снег – как чистый лист. Как душа ребенка. Кто не прикоснется, – оставит свой неизгладимый след.

К источнику

*С*егодня воскресенье. День светлый, солнечный, искристый. Ни ветерка. Перемигиваются падающие снежинки. Середина ноября. Легкий морозец и солнце веселят душу. А свежий снежок, покрывший каждую былинку искорками, как бриллиантами, и вовсе очаровывает. В народе этот период только что пришедшей зимы, с ещё не надоевшими морозами, снегопадами да метелями-буранами, называют зимкой.

Накануне стояли необычные для начала ноября холода.

Крепко заприжимала зima – до 30 градусов опустился ртутный столбик. Говорят, лет десять таких ноябрьских холодов не бывало. Через неделю холода закончились, помягче стало.

Вот я и решил сходить к источнику. За минеральной водой. Положил две трехлитровые банки в рюкзак и отправился. Денёк чудный. Небо чистое, почти как весеннее. К горизонту даже зеленоватое. А у самой кромки белёсое такое, истаивает, растворяется, сливается со снежным горизонтом. Если бы не морозец, да негромкое похрупывание снега под ногой, да не прямо поднимающиеся из труб дымы, то можно подумать: «А не весна ли это?» Уж больно солнышко ярко светит, аж глаза слезятся – на снег больно смотреть – яркий, искрящийся, с синими тенями от санных следов на дороге.

За деревней и вовсе белоснежная пустыня захватывает душу своим синевато-дымчатым простором, покоем и умиротворением. Санный след свернул к летним загонам, где стоят стога сена, одетые в белые шапки. Я бреду почти по бездорожью. Едва прослеживается тропка к источнику. Видимо мало кто ходит. Не хотят испить целебной водицы из пробуренной изыскателями скважины. Бежит драгоценная влага, по составу похожая на Ессентуки-4. Днем и ночью течёт. Такая же вода есть и на левом берегу Исети возле санатория, под Мыльниково. Там всегда очередь – городские жители на своих машинах с канистрами приезжают за минералкой. Минеральная вода продается и в магазинах – «Шадринская» называется.

Я бреду по буграм правого берега Исети. Река теперь подо льдом и снегом, поэтому берега едва угадываются. Вон возле тальниковых зарослей темнеют фигурки рыбаков. Истосковались мужики по зимней рыбалке. Это источник их редкой радости. Мой знакомый даже отпуск приурочил к этому времени. Как призастыло, он живо собрал свои снасти и на природу: вначале на озеро съездил порыбачить, потом на Исеть повадился. Это ли не прелесть посидеть и подергать увесистых окунушек по первому ледку! Тем более и погода стоит на славу – солнечная, с легким морозцем. Воздух сухой – легко дышится на воле. Ничто не беспокоит душу отпуска. Ни безденежье, ни домашние заботы. Забываются все хвори и

недуги. Не болит голова на рыбалке ни о чем другом, кроме того, как бы поймать рыбину покрупнее.

Даже забывается о той страшной теченской трагедии... Что все отравлено... Раньше скрывали о ней. Теперь же мы знаем всё, но все равно с удочкой на реке. Хоть что ты с нами делай!

Устроится рыбак где-нибудь возле знакомого затонувшего куста-задевы, возле искрящейся в бисере полыни или крапивы – в этой зимней сказке под ярким солнышком, попыхивая горькой папирской, ждёт не дождётся поклёвки. Тут на досуге можно и костерок развести. Как приятно попахивает дымком. Можно попить чайку из термоса и послушать рыбачьи байки. Самые заядлые рыбаки не успокаиваются, переходят с одного места на другое в поисках пристоявшейся в ямах рыбы. Бурят новые лунки, благо, лед ещё не очень толстый, садятся и, замершие, ждут новой поклёвки.

А я всё бреду и бреду по едва заметной тропинке к источнику... Путь мой пересекают заячьи следы. От кого это косой со страхом удирал? Следы-ямки друг от друга далеко расположены. Кручу головой по сторонам. Ага, вон они, загонщики, четыре человека с ружьями за спиной. Идут без лыж, в валенках, так как снегу ещё тонко. Цепочка заячьих следов направляется в исетскую пойму – в тальниковые заросли, где легче склониться в непролазной чаще. Прячься зайчик! Да побыстрее! Вон и самый главный охотник идёт, на лыжах, в белом масхалате, с ружьём в руках. Легко скользит он по свежему снежку и, скатившись с пологого бугра, направляется к прибрежным кустам, где спрятался зайчишка.

Кому до чего. У каждого своя «охота»... У каждого свой отдых. Свой источник радости...

Налюбовавшись зимней окружой, набрав воды, я возвращаюсь той же тропинкой домой. Все реже почему-то становятся мои вылазки на природу, на свидание с ней... Всё больнее и печальнее расставания. То работа, то забота. Только изредка, в выходные дни, и удаётся вырваться.

Ночная прогулка

«*Угорела барыня в нетопленой горенке,*» – проговорила соседка, когда я рассказывал дома о своих похождениях.

Я приехал в родную деревню на побывку и с ночевой. Давно, больше месяца не бывал у мамы. В конце ноября резко похолодало, аж до – 30 градусов. Но мама в горнице редко топит даже зимой. Двери в неё закроет. На кухне камин истопит или русскую печь. И на горячих кирпичах сидит греется, да носки вяжет. Кому-нибудь деревенским за молоко. Бартер – по-нынешнему называется.

А раз я остался ночевать, она взяла да истопила в горнице. Да вьюшку-то видно рано закрыла. Я слышу – что-то в ушах у меня или в висках затукало. Я еще подумал, что угорел, наверное. Но все сижу в горнице, да книжку читаю. Пока не сплю. Потом и вовсе голову стало сдавливать как обручем. Я оделся, вышел на улицу – подышать свежим воздухом. Может пройдет.

Месяц уже высоко взобрался, завис над полями. Яркий, стоит на рогу – к холоду, значит. Третий раз, сказала тетка Прасковья, уже на рогу народился. Вот и стоит холод. Давно в ноябре такого не было. Побрел я по деревне в сторону землянок, где мы с мамой раньше жили. Светло от яркого месяца и белого снега.

Поймал свои мысли на том, что какое-то двойственное чувство испытываю. Вроде все так знакомо с детства, и в то же время, почему становится чужим. Не знаю, отчего это. То ли оттого, что редко стал ездить на родину... То ли от холода... Нет тепла, не откликается душа...

Пошел я на то место, где родился, где вырос, где наша с мамой землянка была. Теперь лишь густые заросли дурбетники: шишебарки, крапива, лебеда. Все быльем поросло. Тополь, что возле молдаванской землянки рос, стоит высохший. Умер. Высох то ли от тоски-одиночества, то ли от долгих прожитых лет... Боль одна от этого места осталась; да грустная береза еще одиноко напоминает о нашем огороде. Стоит она на склоне горки, сквозь ветви которой посверкивают далекие звезды да висит остророгий светило-месяц. С этого места на запад открывается широкий просторный вид на поля и леса. Единственный дом остался в этом краю, где бывший лесник жил – Казимир Витальевич. Но и он в этом году помер. Нет ничего вечного...

Постоял я, покрутил головой по сторонам. Тут катались мы с горки на лыжах и санках. Рядом на болотце или на

плотине – на коньках-снегурках, прикрутив их веревками к подшитым валенкам. А сколько радости было, если кто-то из старших давал прокатиться на «дутышах», на настоящих коньках, которые не разъезжаются в стороны, как снегурки. Несешься по тонкому льду, который аж прогибается, потрескивая. Еще возьмешь вставиши в коньки, зажженные коричневые палки камыша. Бежишь, а от ног дымки развеиваются.

То вспомнится, как сидели у нас на русской печи с ребятами, когда мама дежурила ночью на птичнике. Сидим, грызем сухарики, а кто-нибудь рассказывает «страшилки» – страшные истории про оборотней, аж жуть берет. Холодок по спине. Или любили на железной печке-буржуйке печь нарезанную картошку ломтиками и посыпанную солью. Очень вкусные печенки. Обжигаешься, да ешь...

...Постоял, погрустил. Потом прошелся по улице, где жила наша баба Дуня. Тут два домика от улицы осталось. Где усадьба была, осталось три столба. Это были большие ворота и калитка. Пусто. Нет самого любимого моего места, где я вырос, где я вскормлен, где был любим всегда. Один раз мама положила на санки мешок муки и сказала, чтоб я свез его бабе Дуне. Я привез. Девки – Нюра, Маня да Валя выскочили: «Ой, Леня, чего это ты привез?» Я и отвечаю: «А чтоб не считали меня иждивенцем-то, что обедаю вас. Вот вам муки привез» (У бабы Дуни было 7 девок). Они смеются. «Вот молодец», – говорит баба Дуня, а сама кончиком платка прикоснулась к глазам. «Горюшко ты наше»...

Где ты теперь, моя баба Дуня? В каких краях проживаешь? В каких воплощениях твоя душа теперь? Отрада ты наша, всех нас внучат выкормила, всех привечала, как родных детушек. Каждому нашла слово доброе. Каждому отдала всю свою душу, всю нескончаемую любовь свою... Мы тебя помним...

Пошел дальше. Вот рядом Симаковская гора. Где все наши зимы прошли. Вот так же до темна, при луне катались с этой горки. Теперь она какая-то маленькая, низкая стала. А тогда была длинная, летиши на санках – аж дух захватывает. А на лыжах по ямам (из которых тут глину брали, чтоб печи класть), так не каждый наследится ехать. Страшно. Но мы

отчаянные были. Да и стыдно бояться. Хоть и упадешь не беда, зато репутацию не испортишь. Бывало, что носки лыж втыкались: (лыжи плохо были загнуты, самодельные были) и ты летел вперед лыж кубарем. Поднимался, отряхивался от снега, набившегося в валенки, за воротник, в лицо, в рукавички. Осматривался и – горю – не было предела, слезы сами текли из глаз. Носки лыж были сломаны.

Мне дедо Семен хорошие лыжи сделал – носки хорошо были загнуты. Но я недолго радовался (кринку сметаны за них деду отвез – мама наказала отвезти), изрубил их у меня сосед, парень постарше меня – отчаянный хулиган и вор – по кличке Галун. Разные мы с ним по «группе крови» были. Не дружили. Может от зависти он изрубил, может в чем-то я провинился. Поездом его взрослого уже зарезало. У него был отец без ноги, ходил на костылях. По фамилии Галунчиков. Драл он своего сынка как «сидорову козу». Галун (сын) – учился плохо. Воровал у отца папиросы, курил сам и нас заставлял, чуть не силой. Припугивал, если отказывались. Один раз сидели на «Переходах», покуривали папирасочки «Прибой» или «Огонек», а пробегала мимо Люба Назимова, девочка примерно одного возраста с нами. Прихожу я домой, а мама меня голиком (венник без листьев) встречает. Да как начала драть, как начала понуждать этим голиком. Я сразу понял за что. За курево. И что девчонка нажаловалась, догадался. С тех пор не курил до армии. Техникум закончил в 18 лет. Мама спросила как-то – курю ли я? Я ответил, что нет. «Кури, если хочешь». В армии я научился курить и лет двадцать пазил как паровоз. Но потом почувствовал, что надо бросать ради здоровья. Бросил в 40 лет.

...Стою на горке, а мысли в далеком детстве плутают. Светло тут. Думал, что и следов тут никаких не увижу. Но горка все так же утрамбована и укатана лыжами, да санками. Мы до поздней ночи тут катались. Никак домой не идешь. Обледенеет вся одежда, весь в снегу. Думаешь, что вот последний раз скачусь и домой пойду. А ребята все катаются и катаются. И ты опять остаешься. И так до бесконечности. Пока матери не прибегут за нами, да не наругают, да шлепков не наподдают. Дома одежду снимут с тебя, а она не гнет-

ся, как ледяной скафандр или панцирь какого-то животного. А когда оттает, сникнет, упадет, станет мокрой. Вот тут мать еще добавит «на орехи» ...

Пошел я по твердой лыжне, что ведет на кирпичный завод. Там мы уже подростками катались. Да в овраги ходили. Или сделаем трамплин из снега и летаем как птицы с него. Вот тут-то лыж было поломано. И школьных, и своих. А в оврагах и вовсе. Это уж на любителей острых ощущений – на смельчаков. Бывало еле возвращались, но на своих ногах, слава Богу. Но со сломанными лыжами. Как-то голову не свернул никто. Никому не хотелось быть трусом...

Постоял опять, повитал в облаках подростковых, посмотрел на далекие бугры и побрел обратно.

Сквозь светлую ночь... Звезды яркие, перемигиваются. Висит надо мною ковш Большой Медведицы. И Млечный Путь запутался в ветвях высоченных тополей юности, как я в этой夜里...

Вокруг ни единого огонька. Пустота вокруг... Лишь внутри еще теплится огонек воспоминаний о детстве, о родной стороне, о маме и бабе Дуне.

Возвращусь я на миг в родные края, вспохами озарит память видениями детства, отрочества или юности и опять я уеду надолго от всего светлого и доброго...

Смерть синички

*О*сенний холодный вечер. Иду с работы. Смотрю, на дороге лежит синичка. Я взял её. Она очень слабо, но попыталась вырваться из руки. Я положил руку в карман. Синичка обогрелась. И стала сильнее вырываться, даже поклевывать палец. Так я дошёл до дома, ощущая тепленький комочек в руке.

Снег шёл обильный. Огромными хлопьями плавно опускался на подтаявшую дорогу, дома, кусты, превращая будничное бытие в сказку. Я шёл, довольный, что спас птичку от неминуемой смерти.

Принес птичку домой. Посадил в фанерный ящичек. Насыпал семечек, пшена, сала кусочек отрезал. В детстве мы этих синичек жуланчиками звали. И теперь я назвал птичку Жулей.

Жуля вначале прыгала, даже клюнула раз-другой что-то.

– Ну, думаю, всё. Оживет теперь моя Жуля в тепле. Потом выпущу. Пусть переночует. Обогреется хорошенько. Сходил за водой в колодец. Истопил печки. Поужинал. Потом меня как будто кто-то ткнул. Решил я проверить мою птаху. Подхожу, заглядываю в щель – где моя Жуля? Нет нигде. Открываю ящик – птичка лежит в уголочке. Уже мёртвая...

Что случилось? Отчего умерла? Никаких доводов не могу придумать. Неужели от неволи? Нет, наверное, все-таки от холода... А может от голода?..

Замела метель дорожки

*Я*тром открыл штору, а там за окном свету белого не видно. Буранице со снегопадом. Стучит кто-то. Фельдшер пришла жене уколы ставить. Еле-еле открыл сенки – снегу намело горою. Завалило нас. Она говорит, что снег аж в сапоги зачерпывается. Вот как. По колено уже навалило. Замела метель дорожки... А то всё снега нет и нет. Думали, что Новый год без снега будем встречать. Начало буранить 6 ноября – накануне Октябрьской революции, которую сейчас окрестили Днем примирения. Даже природа расшумелась, разбужнилась, не хочет мириться что-ли... Устроила такую падеру, чтоб мы сидели все по домам и не высывались.

В этот день – в день Свободы и вседозволенности почему-то дал Всевышний поиздеваться над людьми разным бандитам, партийцам и почему ворью. «Грабь награбленное» – в этот день был провозглашен беспредел в огромной Матушке-России.

...Хотя недавний переворот, якобы утверждая демократию, и тоже Свободу, в сущности был очень и очень похож на большевистский. В этот день бандократия поставила на карту весь свой цинизм, попирая все законы и все права рабочего люда России... Приватизировала сбережения, весь труд, всё созданное простым человеком. Как грустно жить... Что история повторяется вновь и вновь... А зима беснуется. Словно веселятся бесы...

Зимние чудеса

*П*осле надоевших пасмурных дней, наконец-то прояснилось небо. Светит яркое солнце целый день. А перед этими

днями снежку подвалило дивно. Я не успевал ограбаться в ограде. А потом подморозило, и вся растительность преобразилась в сверкающем инее. В куржаке по-нашему.

Разукрасила зимушка-зима своё снежное королевство всем на диво. Выйдешь ночью. Небо чёрное-чёрное и усыпано бриллиантами звезд. На тёмном фоне изумительной белизной вырисовываются силуэты освещенных веток деревьев – тополей или клёнов. Красота! Дух захватывает. И стоишь, задрав голову, любуешься на это чудо природы. А сегодня на солнышке снежок на ветках стал подтаивать и отваливаться. И почудилось мне, что черёмуха средь зимы распустилась, зацвела пышно. И чего перед Новым годом не бывает. Чудеса да и только. Будто напахнуло вдруг весенним черёмуховым дурманом давным-давно пролетевшей юности...

Фантазирует матушка-зима. Не даёт дремать душе. Напоминает о будущем – о новой весне. Хоть и не так сладко теперь наше настоящее житьё-бытьё, но черёмуха вновь зацветёт.

Вот и день начал прибывать. Хоть и на минуты, а всё равно – ближе к весне. А пока стоят солнечные, но довольно морозные дни – до минус 25°. Пошипывает уши. Встречаю в городе знакомую, а у ней одна щека побелела. «Растирай быстрее, – говорю ей. – У тебя левая щека белая».

Настоящая зима пришла. Со снегопадами да морозами. Краснощекая, пышная и солнечная. И прекрасная!

Танец снежинок

Шел крупный пушистый снег. От легкого дуновения снежинки то убыстряли полет, устремляясь друг за дружкой, точно пчелиный рой, то, раздумывая, опускались плавно и величественно.

Казалось, что с неба спускались миллионы парашютиков. Но, подлетая к земле, они превращались в изящных танцовщиц, вальсирующих в такт звонкой и чистой мелодии первого снега. Одни кружились легко, с какой-то тихой грустью, наслаждаясь своим тонко отточенным мастерством, другие мчались в вихре необузданного страстного танца.

В старом парке сидели на скамейке парень и девушка.

Смешно перебирая мохнатыми короткими лапами, на тропинку выбежала дворняжка. Остановилась и, подняв голову, наблюдала за летящими снежинками. А они, будто сговорились, все разом устремились на это черное пятно, стараясь запорошить собачонку.

Девушка вытянула руку вперед. Снежинки суетливо закружились, едва заметными искорками, светясь в вышине. То они гасли, то вновь зажигались. Опускались на землю и тепло укутывали ее. Вдруг все исчезло – снегопад так же внезапно перестал, как и начался. А нежно-светлая мелодия продолжала звучать...

Фантазия зимы

Пока зима стояла не очень холодная – всего несколько морозных дней в середине декабря. И снегопадов больших еще не было. Часто по утрам плотный туман застилает окружу. А невысокое солнце мягко освещает синеву снегов. В такие дни все деревья и кустарники белые-белые. Все в инее, как у нас говорят – в куржаке. Даже засохшая трава – крапива, полынь или лопухи – неузнаваемые. Всякая мелкая былинка словно наряжена к празднику. Будто сказочные! Усыпаны и сверкают драгоценными камнями. Тишина...

Вот она, зимняя сказка! Безмолвное снежное королевство...

На фоне потемневшей стены старого дома светлеют подернутые морозными узорами окна, разрисованные непредсказуемо-фантастической южной «растительностью». А резные наличники обрамляют эти картины и вплетаются замысловатой фантазией резчика в прихоть и ажурность природных форм.

Перед домом каждая штакетина, каждый столбик в белые шапочки наряжены. Черемуха словно невеста стоит. Приоделась и яблонька, вся белая будто расцвела. Да не ко времени... Так и окаменела...

К ночи сказка еще загадочней. Алмазной россыпью переливаются под ногами искристые снежинки в свете уличных фонарей и мигающих светофоров.

Нарядный январь

*П*осле крепчайших рождественских морозов, в ночь под Новый год зимушка-зима не на шутку разбушевалась. Снег повалил обильный-обильный да еще с сильным ветром. Задула, загудела, забесновалась тревожно-сказочная новогодняя ночь, храня пока тайну нашей судьбы в наступающем году. Каким он будет для каждого из нас? Хочется, чтоб он стал счастливым, удачливым и исполненным надежд.

Утро первого января выдалось туманно-белесым, с легким морозцем. Снег продолжал идти, но не хлопьями, а сыпал как сквозь частое решето мелкой крупкой.

Еще через день утром явилось светлое и солнечное. Но чью же выпал пушистый снежок, и теперь вся округа выглядела празднично и нарядно, словно девушка-красавица покрыла голову белым пуховым платком-паутинкой. Снег очаровывал мягкостью очертаний, первозданной целомудренной чистотой и искристыми переливами в солнечных лучах.

Стоишь на крыльце и даже боязно ступать на этот без единого следа чистый снег, который хранит в себе тайну своего создания, удивляя своей изумительной геометрической фантазией снежинок.

И после нас эта красота будет волновать неспокойный мир, как волновала его и до нас...

Пролетают редкие пушистые снежинки, садятся на лавочку, на палисадник, на ветки деревьев, на кустик засохшей полыни. Все специально украшает природа, готовясь к своему главному празднику – Рождеству Христову.

Солнце просвещивает сквозь снежные шлейфы, придавая мягкому снегу одушевленность и трепетность.

Светлая и прохладная нежность незримо перетекает в мою распахнутую душу...

Крещенская полночь

*В*ышел в чёрную полночь. Небо звездное. Светлое. Решил снега со стогов набрать, что за деревней стоят. Прочел

где-то, что вода из этого снега, взятого в крещенскую полночь, полезная, помогает будто бы от многих болезней. Это народные приметы, пришедшие из далекого прошлого. Из опыта, наработанного веками. Но мало мы этого опыта знаем. Выжигали из нас все поверья народные, чтоб не знали ни роду своего, ни племени. Кто мы? Откуда? Куда идём?

Иду сквозь глухую крещенскую ночь за целебным снадобьем. Господи! Как больно, тоскливо и одиноко на этом свете! За что же ты прогневался на нас? За что нас наказываешь? Кинулись мы к Тебе... Да уж, видимо, поздно... Как себя переделать? Мы до того развращены да раздавлены сатаной, что места для Бога в нашем сознании не осталось...

Как жить-то с пустой душой?

Синица в доме

*Ж*акануне крепких морозов к нам в открытую форточку залетела птаха. В первые дни она вела себя осторожно. Поклюет немного хлебных крошек и юркнет обратно на улицу. Через несколько дней она пообвыкла, перестала бояться людей. Если форточка закрыта, синица сидит на кромку шкафа и озабоченно пищит, чтоб ее выпустили на волю. Откроем. Она повернит головой, поблагодарит и стремглав упорхнет. Вскоре опять является в свою столовую – на шкаф. Мы стали ей припасать что-нибудь съедобное. Кто семечки, кто сальце. Или хлебных крошек накрошим.

Слышим – стучит кто-то. Думаем кто-то в гости пришел. Открываем дверь – нет никого. Стук повторяется. Глянули в окно – птичка сидит на перекладине рамы и заглядывает в комнату. Откроем форточку – синица залетит, поклюет крошки, потом камушком упадет вниз, на пол, попрыгает, соберет с полу упавшее и, к большой нашей неожиданности, усядется прямо на рабочий стол. Рукой ее достать можно. Замрем. Сидим неподвижно, наблюдаем за гостьей. А она повернет головку набок и смотрит на тебя. Изучающе этак! При малейшей опасности готова вспорхнуть и улететь.

Но чем дальше, тем смелее стала наша птаха. Видимо, ей понравилось, что ее хорошо угощают и привечают. Относят-

ся к ней с уважением. Она стала оставаться в гостях все продолжительнее. А потом и вовсе редко вылетала на улицу. Начались сильные холода.

Поклюет и – прыг на стол. Словно ей интересно, чем это мы занимаемся. Отвлечет нас на минутку от забот, даст полюбоваться собой. И душа будто оттает... Удивит еще раз нас неброской красотой своей. Напоминает и о том, что есть другой – вольный и свободный мир...

Все живу...

*У*тром затопил печки. Принёс дровишек да флягу воды из колодца. Пошёл с двумя флягами за речной водой на Исеть. На стирку. Хорошо, что взял топор. А то бы пришлось обратно идти. Закоробанило полынью-то. Но до того благостный денёк выдался, что я чуть не прослезился от умиления, увидев такую зимнюю сказку. Все травинки, все былинки усыпаны драгоценными каменьями. Мигают, переливаются многоцветно под солнцем. Деревья и кусты стоят бело-сахарные, нежно-хрупкие. Такое волшебство может быть только перед главным праздником – перед Рождеством Христовым.

Вот жена и решила перед этим праздником стирку устроить. А у меня как на притчу поясница отнялась. Поднял флягу с водой как-то неловко и всё – не согнувшись, не повернуться. Еле-еле да на коленях вырубил лёд. Набрал воды. На бугор пришлось по одной фляге затащивать. Смотрю – баба Вера – наша родственница идет. Остановились. Поговорили. Ей уж 94 год пошёл, а всё бегает. Она в своём доме живёт. И огород садит. Говорит, что ребята к ней приезжают из города и пособляют по хозяйству. Дров наколют, воды принесут. Или в город к себе в гости привезут. Вымыться в ванной. Но к вечеру она уже домой просится, чтоб отвезли её в деревню. Говорят: «Что это ты, мама, не ночуешь даже?» Она отвечает им, что, а вдруг кто там в мою избу залезет. «Что, – говорят – тащить-то у тебя там». «А ничё, – отвечаю. – Напакостить могут. Всё равно настою на своём – домой надо. И чё делать – везут домой, хоть поздно вечером. Один раз в одиннадцать

часов вечера засобирались. Отвезли. Дома-то я сама себе хозяйка. Куда захочу, туда и пойду. А у них сиди как в тюрьме, когда они на работу-то уйдут. Не остаюсь ночевать-то».

Муж её – Фёдор (моей бабушке Дуне родной брат), умер в 67 лет. Митянко – сын – в 60 лет. Одна дочь умерла в 24 года, другая в 54 года. Осталась Аннушка – дочь — в городе живет, да внуки со внучками. «А я, – говорит баба Вера, – всё живу. Я бы им свои-те года отдала бы. Живите. Нате. А вот мне приходится за них жить. Бог не прибирает чё-то... Вот и живу. Ещё им помогаю. То одной, то другим. Куда мне одной-то столько денег. Накоплю милиён-то да и отдам им. Федьке или Аннушке».

Внучка Вера в Перми живёт. А Наташка опять в свою Москву утнала. Погостила и обратно. Всё ещё замуж не выходит. Говорит, что ей и так хорошо. «А то как выйдешь замуж-то, да надо будет ещё мужика кормить. Они нынче не любят работать-то. Да еще дети могут появиться. Никакой свободы не будет. А теперь, мол она вольный казак. Вот так вот живёт нонешняя-то молодёжь».

«А сейчас, – спрашиваю я, – баба Вера, куда побежала?» «Да вон к соседям. Хлеба им понесла. Ихним ребятёшкам. Большая семья у них. Онишибко худо живут. А мне вон совхоз два мешка муки бесплатно дал. Я стряпаю сама. Много ли мне одной-то надо? Пойду их угощу перед Рождеством-то.»

Чего-то ждешь

*В*от и первое января. Здравствуй, утро Нового года! На улице снег горит на солнце и полыхает многоцветьем снежинок.

Как хочется, чтобы Новый год был лучше, добре, счастливее... Чего-то ждёшь, на что-то надеешься...

...Но к обеду всё за окном померкло. Сказка кончилась... Опять начались будни. Снова стало пасмурно, как и в дни прошлого года.

Снова стало темно, грустно и одиноко...

Сидим весь день дома. Я топлю печки. На улицу выходил один раз – за дровами. Жена все новогодние программы по телевизору смотрит. Праздник прошёл, и все мечты улетучились...

Белое безмолвие

*П*осле недельных холодов, в середине января, погода стала теплее. Хотя морозец помягчал, но на ветру все еще крепко «прихватывает», румянит щеки.

С утра выглянуло радостное солнце. Заблестели снега. Правый берег Исети с березовым колком, так называемыми «межниками», растаял в бирюзовой дымке. Небо просторное, чистое и высокое. Лишь два белых шлейфа дугами пересекают небесный купол с востока на запад.

Снег искрится, помигивает огоньками снежинок. В воскресный день хорошо прогуляться на лыжах по релкам. Идешь по руслу Исети и не встретишь ни единого человеческого следа. Видно, разуверились рыбаки в удаче! Идешь по чистому, искрящемуся снежному ковру. Кругом белым-бело.

Тальниковые заросли утонули в глубоком снегу. Прячут в своей чаще заячьи тропы. Поперек реки протянулась неторопливая цепочка голубых ямочек – знать, лисичка обходила свои охотничьи угодья. Вот сорока-белобока долбила обнаружившийся черный ком земли на берегу, оставив вокруг крестики следов и штрихи от крыльев при взлете.

Подойдешь вплотную к кустам – целое царство снежных зверей! На изгибах тальниковых веток кто только не промстился: то куница изготовилась к прыжку, изогнув изящно линию спины, то белочка замерла, то хищная росомаха подкрадывается или рысь навострила уши. Вот зайка, белый-белый. Хрустнет снежок под ногой – сиганет косой отмеривать сажени, поднимая снежную пыль. А это лисичка-сестричка прижалась к стволу, распустила свой дивный хвост. Ну, а это животное, откуда среди зимы появилось? Стоит, задумавшись, небольшой слоненок, будто выточенный из белой кости. Кого только нет! И соболи, и горностаи, и ондатры, и бобры, и ласки, и хорьки – почти все звери, что обитают в лесу и возле воды.

Солнце пробивается сквозь ветви и высвечивает в этом сказочном царстве то голову, то хвост, а то и всего зверька. Все замерли. Но, кажется, что стоит отвернуться, и они бросятся врассыпную. Повернешь голову, глянешь на них опять

– нет, все на месте, не разбежались, а лишь замерли, заколдованные зимушкой-зимой.

Наломаешь сухих веток, надергаешь соломы и разведешь в этом фантастическом kraю небольшой костерок. Устроишься на одной из веток и сидишь в окружении белых зверей, которые тоже наблюдают за разгорающимся пламенем. Смотрят, как первые язычки огня пробиваются сквозь ворох соломы, как теряются в ней, вылезая с одного бока желтым, а с другого синим густым дымом. Наконец, пламя прорвется сквозь толщу костра и с веселым потрескиванием заполыхает, поднимая к небу сгоревшие сухие листья.

Снег вокруг подтаивает, оседает. Мелкие веточки отваливаются, обгорев. Пламя костра освещает близких, прижавшихся к веткам белых зверюшек, настороживает их.

А вверху светит уже высокое полуденное солнце. Верхушки ветвей охристо светятся, пропитанные его светом.

Небо сквозь ветки звенит набухающей лазурью, отливая кое-где зеленоватым оттенком, настраивая на весенний лад. И сжимается сердце...

У колодца

*С*егодня суббота. Банный день. Надо воды натаскать в баню. А морозы нагрянули до минус тридцати. Денёк сегодня хоть и морозный, но какой-то весь светящийся, солнечный, приветливый. Тени от сугробов резкие, синие. Солнышко, видимо, уже на лето повернуло – светит ярко, а за ветром и пригревает уже немножко. А зима – на мороз... Ночью аж за сорок переваливает. Вот так февраль!

Я и решил баню с утра оттапливать, чтоб к вечеру нагрелась, чтоб можно помыться, да и попариться не мешает, что-то опять в груди заложило. Баня-то без каменки сложена. Пока топишь, тепло, как прогорело – живо всё выстывает. Железная печка поставлена вроде «буржуйки». Вот и топишь её целый день.

Прихожу к колодцу, а там Толя-сосед, что рядом с колодцем живёт, воды набирает. Увидел меня, улыбается во весь рот, блестят на солнце вставленные зубы.

— Лёха! — кричит Толя, продолжая крутить колодезный ворот, — Здорово, что ли? Как жизнь молодая?

Я подхожу с санками. У меня на них две фляги стоит. Здороваюсь.

— Слушай, Лёха! Чё-то ты много фляг-то наставил. У меня вон и то два ведра только. А я тут вам колодец постоянно чишу. Долблю. И никто чё-то мне что есть бутылку не поставит. Правда, нет, а Лёха? — А сам улыбается, выливая воду из бадьи в свои ведра. — Ты вон какую статью-то написал. Читал я, как там у тебя два мужика стоят на остановке и базарят.

— Это о том, как один рассказывает, что он пацаном в войну мешки ворочал? — Уточняю я.

— Точно, точно, про это, — поддакивает Толя, — про это и базарят.

— Толя, — спрашиваю его, — может ты тоже в войну работал?

— Ты что, Леха! Меня тогда ешё и в помине не было. Мне только за сорок перевалило. Я ешё молодой.

Хотя на вид ему можно было дать далеко за пятьдесят...

— Слушай, Лёха, у меня вот такой случай в жизни был. Как-то меня на уборочную послали от ШААЗа сюда в Полевую. В августе месяце было. А дожди шли чуть не каждый день. Грязь по деревне непролазная. Да ешё трактора понадели ям. И вовсе не пройти, не проехать. А мы тогда зелёнку возили на машинах. Мне лет восемнадцать было. Как раз перед армией. Я тогда вот так же как сегодня «под балдой» был. — Толян щелкнул указательным пальцем по кадыку, и подмигнул мне. — Доехали мы вон до того места, где теперь твой дом стоит. Грязюка непролазная. Там по канаве ручей с горы течёт. Машина там и забуксовала. Я хотел выпрыгнуть из кузова, да, видно, подцепился фуфайкой-то за борт. И полетел. И ноги-то у меня под колесо угадали. Я уж не помню, как там было всё, головой стукнулся. Потом Аркаша, вон напротив тебя живёт, выскоцил, поднял меня, да понёс на руках...

Два года я отлёживался, еле очухался, постепенно ходить стал. Потом мне повестка пришла из военкомата. На комиссию. В армию забирают. Я ничего не сказал врачам-то; тогда,

сам знаешь, как в армию-то охота было. Это теперь под ружьём не загонишь. А тогда, если парень в армии не был, так его и девки не любили, — а сам усмехается, — за мужика не считали. Раз бракованный.

А в учебке-то как нас начали гонять! Как начали! Свету белого не видишь, бежишь. А сапоги-то будто бы пудовые на ногах. Бух, бух, еле тащишь их. Думаешь — как бы добежать, как бы сердце-то не выскочило. Вот тут-то про все свои хвори и забываешь. У меня с тех пор ничего нигде не болит. А то всё стонал да охал. Я в учебке-то в Нижнем Тагиле был. А служил в Поволжье. Вот так меня и вылечили в армии-то. — Он помолчал немного. Потом, будто вспомнив, спросил:

— Как хоть хозяйка-то у тебя?

— Да всё так же, на одном месте остановилось. Не ходит. Вот баню топлю, да потом поведу её. Холод не холода, а помыться охота. Вот так и живем...

— Изувечил, гад, бабу, да если бы я его встретил, как гниду бы раздавил. Голыми руками бы придушил, — не выдержал Толян и матюгнулся. — Ну, ладно, Лёха, прости меня подлеца, что этот разговор затянул. Передай от меня Наташе большой привет. Пусть держится. Жить-то надо как-то... А-а-а... — и Толян, как бы отмахнувшись от кого-то рукой, горестно подмигнул мне. — А я ешё попью маленько, — сказал он, и взялся за вёдра. — Ты напиши, напиши. Как мы тут в деревне живём... Хлеб жуём. Робим да вино пьём. Чё делать-то. Одна забота — горбатиться, да водку пить... И он пошёл, пошатываясь под тяжестью наполненных вёдер. — Спасибо тебе, Толя! — кричу ему вдогонку, — за колодец, и за добрые слова!

Рыженькая собачка засеменила за ним, тявкая на летающих около сорок. Синь небес покачивалась в его ведрах. Мороз звонко поскрипывал под ногами, снег горел алмазной россыпью. Солнце сияло, не обращая внимания на человеческие страдания...

А снег идет...

А снег все идет и идет, никак не переставая. То повалит такой густой стеной, что свету белого не видать станет, а то, как бы уставши, пролетает едва заметными штрихами.

Целый день не было видно солнышка. Лишь к вечеру показалось оно расплывчатым латунным диском ненадолго и опять растаяло в серой мглистости, будто и не выглядело совсем.

Приехал я на выходной к матери, но из-за непогоды даже не вышел из дома. Да и куда идти — знакомых сверстников никого не осталось в деревне. Все поразъехались... Вдовы избы, припорошенные снегом и забытые, стоят притихшие, задумчивые...

Не теряют оптимизма в зимнюю пору лишь воробы да сороки. Не теряют своего оптимизма, не покидают родных мест и в суровые зимние месяцы. Сороки перелетают от изгороди к сараю, садятся на торчащую из-под снега перекладину и воровато поглядывают, вертя головой да резво помахивая своим длинным хвостом. Изучают обстановку — где тут можно поживиться.

По свежевыпавшему мягкому и пушистому снегу трусит соседский пес. Гроздно он обходит свою территорию, принюхиваясь к припорошенным бугоркам; останавливается, делает метку и бежит дальше. Распугав стаю сорок у покосившегося прясла, находит что-то съедобное, чем лакомились сороки. Белобоки нехотя разлетаются, усаживаясь на колья, неохотно уступая находку — застывшие внутренности поросенка, так называемую брюшину, которую выбросили.

Сороки поглядывают сверху на собаку и, не дожидаясь трапезы сильнейшего, начинают бочком, бочком подкрадываться к лакомому куску. Пес рычит, бросается на одну из длиннохвостых, а остальные, улучив момент, слетаются все разом, и торопливо ухватив кое-что, взмывают вверх. Так повторяется несколько раз, пока псу не надоест за ними гоняться, и он, будто вспомнив о своих обязанностях, но пропнув сорок напоследок построже, отправляется по своим владениям дальше.

А снег все падает крупными хлопьями. То вдруг налетит порывистый ветер, закрутит, запылит, сметая с крыш и поднимая с земли снежную пыль, понесет ее вдоль по улице, закрывая сплошной белой стеной едва виднеющиеся соседние дома.

Вот и вечер наступил. Темнеть стало. Желтые огоньки разбрелись группами и в одиночку по всей деревне.

Дома притаились, вжались в наметенные сугробы, оттого стали чуть ниже, дожидаясь еще по-зимнему зябкой, но уже не такой длинной ночи.

Слезинки весны

За окном тихий зимний пейзаж: дома и сараи в белых шапках, заборы увязли в сугробах, тополя стоят безучастно ко всему на свете. Лишь воробышки спокойно переговариваются да ерошают перышки, сидя на кустике черемухи.

Бывает, сидишь вот так и с нетерпением ждешь чего-то... Чуда, что ли?..

Солнце многоцветно помигивает искорками снежинок.

Хотя и не чудо, но умиротворение приходит... Невольно улыбнешься увиденному. Огромный лохматый соседский пес Мишка тянет под углом поваленные набок санки, а за ним весь в снегу неуклюже ковыляет мальчишка лет пяти и старается ухватиться за санки; падает, спешит подняться. Пес неожиданно останавливается у большой желтоватой глыбы снега, обнюхивая ее.

Тут настигает его наездник; ставит санки на полозья, подходит к собаке — головы их, оказываются на одном уровне. Мишка пытается лизнуть мальчика в лицо, но мальчик отворачивается и, поправив ошейник, тащит пса с великим трудом обратно в горку.

Совсем как в моем детстве. Где ты, дружная и вольная послевоенная безотцовщина?..

Вдруг точно клинком кто-то взмахнул. Пролетела одна, а затем другая сверкнувшая капелька.

Не поверил, стал ждать. Неужели капель?

Но так и не дождался... «Показалось», — думаю.

Наверное, две слезинки весны скатились; как будто из глаз матери, что сидит за столом напротив меня и задумчиво-озабоченно смотрит на своего непутевого сына-мечтателя...

Когда слышит сердце

Не очень часто природа награждает человека чутким сердцем и острым взглядом одновременно. Такой дар Божий оставляет за собой след и в живописи, и в литературе, и в музыке. Мы знаем поэтов-художников В. А. Жуковского, Я. П. Полонского и других. Помним художников-прозаиков. Например, Е. И. Чарушина. Всех их наполнила талантом и силой родная земля. Она же вдохновляла их, подсказывала темы и сюжеты.

И как приятно, когда эти добрые традиции живут не только в Подмосковье и на Рязанщине, под Петербургом и в Поволжье, но и на Зауральской земле.

Радостно сознавать, что рядом с нами живет и творит такой же талантливый и чуткий к дыханию земли человек, прозаик и художник – А. А. Мехонцев.

Более полувека живет он на земле. И все эти годы не устает тонко наблюдать родную природу и человека в ней. Не перестает восхищаться красками, звуками, запахами земли и передавать их в своих этюдах, как живописных, так и словесных.

Не далекие берега вдохновляют Алексея Андреевича Мехонцева на творчество, а неброские и тихие исетские плесы и скаты. Берите любой его этюд – вы убедитесь в этом сами. Непосредственность и свежестью веет от его зарисовок. Собственное восприятие мира передано изумительно точно благодаря адекватности найденных автором изобразительных средств, сочетанием графики и слова.

Каждый этюд А. А. Мехонцева передает оттенки настроения: то радость встречи с весенним солнцем, то грусть по утраченному прошлому, то светлое раздумье над единством природы и человека. Это ощущение авторского “Я” возникает у читателя благодаря колоритным “мазкам”, найденным А. А. Мехонцевым, и умелому исполнению традиционных художественных приемов, образов, присущих российской природоведческой прозе (М. М. Пришвин, И. С. Соколов-Микитов и др.)

Хочется, чтобы книгу этюдов Алексея Мехонцева узнала Россия, и каждый читатель услышал бы сердцем то, что слышит сердце автора.

В. Платоненко,
кандидат наук,
член Союза журналистов России.

Из автобиографии

Родился в Шадринском роддоме 20 апреля 1944 года. Детство прошло в совхозе им. Буденного (ныне д. Октябрь Шадринского района). После службы в армии окончил художественно-графический факультет Нижне-Тагильского педагогического института. Участник более 40 городских и областных выставок. Любимый жанр – пейзаж. Работы приобретены Курганским художественным музеем, Екатеринбургским музеем изобразительных искусств, в частных коллекциях Швейцарии и городов Шадринска, Новосибирска, Екатеринбурга, Асбеста.

Два года работал учителем рисования и черчения в сельской школе. Двенадцать лет преподавал в Шадринской художественной школе. 10 лет работал художником-конструктором на автоагрегатном заводе в отделе главного конструктора. В настоящее время работаю старшим преподавателем на кафедре изобразительного искусства и черчения в Шадринском педагогическом институте. Параллельно с занятиями живописью, графикой и керамикой увлекаюсь литературным творчеством. Опубликованы рассказы в Шадринском литературно-художественном альманахе «Рассвет» (1994 г.) и в местной периодической печати с 70 годов в газетах – «Авангард», «Шадринский рабочий», «Шадринский курьер».

В 1994 году вышла первая книга «От капели до капели» (этюды о природе) с собственным оформлением.

В 1996 году вторая книга – «Все пережили». Третья – «Устремление» – в 1997 году.

Новая книга рассказов о временах года – «К Источнику» – продолжает тему, начатую в книге «От капели до капели».

Содержание

В. Иванихин. Философия мгновений	3
К Источнику радости.....	4
ВЕСНА	
В ожидании весны	6
Хрупкая мелодия	7
С крыши закапало	7
Хорош денек	8
Акварели снегов	9
Под весенним солнышком	10
Солнце пробивается	11
Весеннее распятие	12
Красавица	12
Зима беснуется	13
И будет свет весны...	14
Искристые ручьи	15
Портрет на фоне весны	16
Вдохновенный певец	18
Водополица	19
Предчувствие	20
Затяжная весна	20
Голубые ниточки	21
Тревожно и холодно	22
И придет день...	23
А все-таки весна!	24
Сиреневые дали	25
Два праздника	26
«На Алексея теплого»	26
На воле	27
Надежды впереди	28
Этюд с вороным гнездом	29
Рождение чуда	30
Цветы вдовам	31
Будто и не было тепла..	33
Черемуховые холода	34
Весеннее беспокойство	35
Ребятишки-рыболовы	36
Ветер мая	38
Был конь...	39
Майские костры	40
ЛЕТО	
Родники детства	43
Стихия	44

О рыбаке и рыбке	45
Встреча с родной стороной	46
Летние слезы	47
Расцвела яблонька	48
В овраге	49
Пора невыразимых желаний	49
Серебристая пташечка	50
Русь первозданная	51
Долгожданный дождь	53
Родная сторона	53
Течет вода.....	56
Солнечные блины	57
Очищение	58
Вечерняя идиллия	59
Одиночество	59
Гнев небес	60
Прощание с летом	61
Дни пошли на убыль	61
Истоки	62
Вестник осени	64
Исход лета	65
Отчий дом	65
Скоро осень	66
ОСЕНЬ	
Дивная пора	69
Грустный звон	70
Улетающие дни	70
Нездешний свет	71
Знамение	72
Ангел-хранитель	73
Грибная охота	75
Светло в лесу	77
Утраченная краса	78
Холодный ветер	78
Нет худа без добра	79
Скользящий солнца луч	79
Грусть	80
Расставание	81
Перед отлетом	81
Пасмурные дни	82
Сглаз что ли ?	83
Чья-то душа	84
ЗИМА	
Пришла зима	88

Снежок	89
Волшебные минуты	89
Первый снег	90
К источнику	90
Ночная прогулка	92
Смерть синички	96
Замела метель дорожки	97
Зимние чудеса	97
Танец снежинок	98
Фантазия зимы	99
Нарядный январь	100
Крещенская полночь	100
Синица в доме	101
Все живу...	102
Чего-то ждешь	103
Белое безмолвие	104
У колодца	105
А снег идет...	107
Слезинки весны	109
<i>В. Платоненко. Когда слышит сердце</i>	110
<i>Из автобиографии</i>	111

Литературно-художественное издание

Мехонцев Алексей Андреевич

К ИСТОЧНИКУ

Рассказы о временах года

Редактор А. А. Мехонцев

Корректор В. П. Бумагина

Лицензия ЛР № 010124 от 23.12.96.

Сдано в набор 26.03.2002. Подписано в печать 29.04.2002. Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Гарнитура «Таймс». Бумага для высокохудожественных изданий. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,74. Уч.-изд. л. 8,12. Тираж 500 экз. Заказ № 493.

Издательство ПО «Исеть», 641870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6.

Отпечатано в ГУП «Шадринский Дом Печати» комитета по печати и средствам массовой информации Курганской области, 641870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6, тел. 2-33-51.

50 p 00 k

БИБЛІОГРАФІЧНА КОНДИЦІЯ

Розподіл: Відом. А. Синодаль

УДОСКОНАЛЕННЯ

шкільно-занавісні та музичні

шкільно-занавісні та музичні

шкільно-занавісні та музичні

БІБЛІОГРАФІЧНА КОНДИЦІЯ

Відом. А. Синодаль

УДОСКОНАЛЕННЯ

шкільно-занавісні та музичні

50.00

